

Для Семьина

ВРАЧЕБНАЯ
· Т · А · И · Н · А ·

Дия Сёмина

Врачебная тайна

Серия «Врачебная тайна», книга 1

<https://litres.ru/74190667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лучшая подруга и муж объявили Анастасию одержимой, невменяемой, и сами же приложили все усилия, чтобы она в это поверила. Но теперь в её теле я — психолог и очень сердитая попаданка, которой предстоит отстоять честь и свободу, вернуть богатое наследство, и открыть своё бюро психологической помощи для спасения таких же невинно обвинённых.

Мои планы чудесны, но почти невыполнимы, ведь я всего лишь женщина, а психология в этом мире — лженаука, об этом со мной желает обстоятельно побеседовать инквизитор, чтобы я не мутила воду в обществе. Да я бы и не против поговорить с умным человеком, но за мной по пятам следует огромное, свирепое проклятье, решившее доконать меня своими навязчивыми ухаживаниями

Альтернативная Россия конца XIX века, детектив, любовный треугольник, немного психологических терминов и разборов, расследования, тайны, интриги. Мистика (не магия).

1-й том серии "Врачебная тайна"

Содержание

Глава 1. Аллергия на жену	4
Глава 2. Новая послушница с сюрпризом	11
Глава 3. Кто меня подставляет	20
Глава 4. На чистую воду	30
Глава 5. Кто ты такой?	38
Глава 6. Отъезд	45
Глава 7. Не трогай моё бельё	52
Глава 8. Десерт	59
Глава 9. Я могла бы в него влюбиться, но мы бесим друг друга	68
Глава 10. Внезапное возвращение	76
Глава 11. Тренинг лояльности	82
Глава 12. Последнее предупреждение	91
Глава 13. Поспешите...	100
Глава 14. Репейная колючка	108
Глава 15. Воровка?	115
Глава 16. Наживка	123
Глава 17. Играю с огнём	133
Глава 18. Выбор опасного мужчины	141
Глава 19. Минута моего позора	152
Глава 20. Первый вальс	158
Гл	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Врачебная тайна

Глава 1. Аллергия на жену

Настоятельница монастыря терпеливо выслушала долгое и трепетное приветствие моего мужа, внезапно ставшего чрезмерно набожным и до омерзения смиренным. Пролетал что-то приторно-сладкое, трагичное и посетовал на нестерпимую боль в сердце из-за состояния жены. И показал на меня рукой, мол, посмотрите, какая она у меня...

Матушка и посмотрела, да тут же отшатнулась, как от прокажённой, заметив мой жалкий, потрёпанный долгой дорогой вид. И ладно бы просто потрёпанный. Нет, я уже несколько часов в смиренной рубашке и с внушительным кляпом во рту, после очередной неудачной попытки побега в каком-то затрапезном трактире.

— Сударь, ради всего святого, уберите у неё изо рта затычку. Вы жену как последнюю преступницу... Мы не каторга и не лазарет для умалишённых. Здесь святое место, и...

Она сама выдернула туго скрученную тряпку, не дожидаясь, пока муж переступит через свою установку: довести меня до измождения, а ещё лучше до смерти. Потому что всю дорогу твердил, о том, что я сама виновата во всём, что со мной случилось...

Вспомнить бы, что именно привело меня сюда.

Проблема в том, что в памяти всплывают какие-то воспоминания, сути которых пока не могу понять. Но точно знаю, что я не Анастасия, никогда не жила с этим мужчиной, не была его женой, и понятия не имею, каким образом вдруг очнулась в этом милом тельце всего несколько дней назад. И мне сейчас так плохо, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может.

— Пить... — единственное, что смогла прохрипеть. Если не выпью воды, то мечта «мужа» исполнится, я точно упаду замертво.

— Вы её от самого Петербурга везли с кляпом? Послушайте, я не понимаю, кто вам сказал, что мы карательная инстанция. У вас есть постановление суда, позволяющее издеваться над несчастной?

Настоятельница сама поднесла стакан воды к моему рту и помогла выпить всё. В тот же миг в тишине монастырского кабинета послышалось гулкое журчание моего пустого живота.

Муж лишь брезгливо поморщился.

— Она одержимая. Это подтвердили трое специалистов в столице, не самые последние лекари, надо сказать. Если бы она совершила преступление, то в таком случае прямоком бы отправилась в тот самый лазарет, откуда не выходят никогда. Но я человек ответственный, и перед обществом, и перед богом, потому держал её взаперти после нелепого, несчастного случая. Эта женщина опасная, богом клянусь!

— Не упоминайте отца небесного всуе и тем более не смейте клясться. Я прекрасно понимаю ваши чаяния, они похвальны, но сострадание никто не отменял. У нас строжайшие правила, скромная жизнь и молитва, наши послушницы много трудятся от рассвета до заката, мы не разделяем нищенок и богатых, перед всевышним все равны, были бы явные причины, то я бы приняла новую послушницу. Однако я не вижу этих причин. Но вы сказали, что она одержимая, в чём это проявляется и когда началось?

Монахиня посмотрела на меня строго и оценивающе. Возможно, удивляется, почему я молчу, раз одержимая. Но у меня пока язык с трудом шевелится, и любое сказанное слово только ухудшит моё положение. А оно и так катастрофическое.

— Около недели назад жена вернулась домой и как злобная фурия накинулась, расцарапала моё лицо, обвинила в самом ужасном грехе прелюбодеяния, а потом побежала к себе, и, запнувшись о подол платья, скатилась с лестницы.

— Сама? Ей случаем никто не помог? Вы не задумывались, что кто-то мог её обмануть, оболгать вас? — она деликатно решила не намекать на возможность измены.

— Всё может быть, женское общество, знаете ли, такое ядовитое. А я государственный служащий, мой статус слишком высок, чтобы какой-то интрижкой уничтожить репутацию и лишиться всего. Потому не хотел раздувать пламя скандала, говорю вам как на исповеди. Я пытался объяснить

Анастасии, что это подлая ложь. Но она не слушала, возможно, из-за неуверенности в своих женских чарах. Упала, потеряла сознание, несколько дней лежала в бреду, а когда очнулась, сказала, что её зовут Светланой, и она меня впервые видит, начала нести совершенную несурязицу. Выбежала на улицу и потом устроила новую сцену, заявив, что это всё абсурд, это не её мир.

Настоятельница снова посмотрела на меня с интересом, потом на мужа. А я в этот момент призвала все силы света, чтобы они позволили этой пронизательной женщине сделать верный вывод и вывести красивого и самоуверенного подлеца на чистую воду.

— Андрей Антонович, а в чём, собственно, её опасность? В том ли, что она решила сменить имя, или не узнала вас? Это не по нашей части, может быть, вам стоило отвезти несчастную женщину в госпиталь? Поймите, если мы её примем, то выйти она отсюда не сможет. Минимальный срок пребывания три месяца, и это независимо от того, что с ней случилось, одержимость ли, или амнезия после удара головой. Кроме того, может быть, у Анастасии есть родственники?

Они продолжают говорить обо мне в третьем лице, как о вещи или бесправном животном, видимо, именно такое моё положение и есть, ярлык душевнобольной нечисти не даёт права принимать решения о собственной судьбе.

— Она сирота, но есть двоюродный брат, служит где-то

в дальнем гарнизоне, последние три года от него вестей не было.

— В таком случае мы непременно напишем ему, чтобы снять все вопросы. Но вы не ответили на самый важный вопрос, в чём же её одержимость? — упорное желание настоятельницы докопаться до истины, внушает мне слабую надежду. Не может же быть так, что муж может вот так просто по собственному желанию привезти жену в «приют» и сдать, как ненужную зверушку, на какую у него вдруг началась аллергия.

Но нет, его ложь обо мне куда более изощрённая:

— Она видит нечисть, разговаривает с ней, в её присутствии в комнате летают вещи, книги валяются с полок. Наш кот сбежал из дома. Послушайте, я клянусь вам, эта женщина сейчас притворяется жертвой, но стоит её хоть немного рассердить, она становится опасной, я просто боюсь, честное слово, боюсь за свою жизнь. Хочу развестись, и её пребывание в монастыре позволит мне сделать это тихо, — а вот и главная цель, он даже не скрывает её, настолько уверовал в собственную безнаказанность.

— Я не сумасшедшая и не одержимая. Нечисть, кроме тебя не вижу. Ты всё выдумываешь, потому что сошёлся с моей подругой, и вы решили обождать меня, лишитъ всего. Это она толкнула меня с лестницы, а ты стоял и смотрел, надеясь, что я умру, не так ли? Амнезия была, но я вдруг всё вспомнила, перед глазами словно картинки возникают...

У меня действительно перед глазами возникли флешбэки тех событий, словно подсказки, всё именно так, и Анастасию никто не настраивал и не нащёптывал страшные сплетни, она просто застала их вместе...

— Это ложь, она врёт, как дышит. Я был в своём кабинете и вышел на крики нашей экономки. Милая, опомнись, я любил тебя, но теперь боюсь за твоё душевное здоровье... — с каким трагизмом в голосе он произнёс эти слова, прям взмолился. Надо отдать ему должное, не переигрывает, ведёт себя почти идеально, ведь сам верит в то, что творит со мной с подачи Елены...

— Непростая ситуация. И всё же я думаю, что откажу вам, развяжите вашу жену, советую не в монастырь обратиться за помощью, а к хорошему юристу, оформить развод и начать жизнь сначала, — настоятельница явно из тех женщин, кто терпеть не может изменщиков, ещё немного, и она встанет на мою сторону.

Андрей, вдруг спохватившись, похлопал себя по карманам, улыбнулся и достал конверт:

— Я настаиваю, моя жена опасная, вот пожертвования, чтобы вы усерднее молились за её душу, мне юрист настоятельно рекомендовал отправить Настасью именно в обитель. Я понимаю, что ваши вопросы продиктованы желанием не брать на себя очередную проблемную ответственность. Но я умею быть благодарным. Привезу ещё три раза такие же конверты в последующие месяцы, до того момента, как наш

брак объявят недействительным, и тогда вы можете делать с ней что захотите, пусть работает, молится, что угодно, но освободите меня от неё.

— Подлец, — цежу сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы не закричать во весь голос, и в этот момент тот самый стакан, из какого меня только что напоила хозяйка, взлетел и разбился о стену, осыпая нас тысячами мелких осколков...

— Пишите прошение, я её забираю, — стряхнув с себя битое стекло, хозяйка снова заткнула мой рот, не позволяя сказать, что это не я, и понятия не имею, почему вокруг меня иногда вещи сходят с ума...

Дорогие друзья, добро пожаловать в новинку «ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА», герои и автор признательны любой вашей поддержке: лайки, комментарии. История объёмная, интересная, со множеством тайн, ведь наша попаданка не простая барышня, а психолог с большим опытом работы (но обещаю, не перегружать вас терминологией и сложными диагнозами, всё же прежде всего это развлекательное чтение).

Глава 2. Новая послушница с сюрпризом

Андрей порывисто присел за стол, и под диктовку игуменьи Евдокии написал прошение о принятии меня в обитель. Если бы не усталость, возможно, я бы вникла в суть документа и испугалась куда больше, чем и так уже напугана всем, что произошло за последние дни.

— Кто там на посту? Послушница Мария, отведи новенькую в мой кабинет, руки не развязывать и кляп не вынимать, она опасная! — приказ настоятельницы прозвучал для меня как приговор на пожизненное заточение. Несколько минут назад, она сама призывала подлеца одуматься и не принимать жестоких решений. А теперь осознанно встала на его сторону и считает меня исчадьем ада, злом и одержимой?

Послушницей оказалась крепкая пожилая женщина с беспристрастным, восковым лицом, таким же, как у самой настоятельницы, начисто лишённым выразительности. Она молча, придерживая за локоть, подняла меня со стула и подтолкнула к выходу из «Приёмного покоя».

Стоило выйти за дверь, как её смиренность сменилась обычным любопытством:

— Таких у нас ещё не было. Ты умом тронутая? Кусаешься, что ли? На вид-то хорошенькая, юная совсем...

Отрицательно кручу головой, стараясь не завалиться из-за узкой длинной смирительной рубахи, что скрутила мне руки, и ограничивает ширину шага.

— Сейчас тебя оформят по всем правилам и станешь одной из нас. Мы тоже не кусаемся. Понимаем, что к чему. Муж – подлец, родственники жадные, сколько нас таких ссыльных. Может, матушка тебя спасает от изверга, а то так вывезет за город, мешок на голову и в омут. Уж поверь, девочка, лучше так. У тебя дети-то есть?

Снова качаю головой.

— Вот и хорошо, хоть младенец без мамки не будет маяться. И ты не будешь тосковать. Это хуже всего, когда мать с дитём разлучают. А ты привыкнешь, привыкнешь.

Мария на меня действует успокаивающе. В чём-то она права, ведь если то, что я увидела из прошлого Насти, произошло на самом деле, то у мужа и его любовницы однажды хватило наглости и дури столкнуть несчастную с лестницы. Возможно, ещё раз рискнуть они испугались и потому решили избавиться от ненужной жены более гуманным образом, сослав в монастырь и лишив всего. Но лиха беда начало, все серийные убийцы с чего-то начинали, потом проходит период охлаждения, логика уговаривает обывательский страх наказания, и в конечном счёте Мария права, говоря, что омут – это всего лишь дело времени.

После холодного полумрака приёмной, где муж так настойчиво пытался избавиться от меня и избавился, я на неко-

торое время зажмурилась от слепящего сияния, отражённого от белоснежных храмов. Какой прекрасный солнечный день и какие ужасные события происходят со мной. А я всё ещё не могу поверить в реальность происходящего.

Открываю глаза и с интересом рассматриваю свою новую обитель. Типичный монастырский двор, чистый, ухоженный, он будто соткан из света и тишины.

Зелёная трава здесь растёт идеально ровно — не клонится, не путается, не выбивается из общего строя. Кажется, будто каждую травинку бережно поправляют невидимые руки, заставляя её расти строго вертикально, ровно на свою высоту, будто вытканый природой ковёр, приглашающий ступить босой ногой в тёплый летний день. Газон идеальный настолько, что я снова подумала, а не виртуальный ли это мир, симуляция? Если этот так, то я точно найду тот самый ключ, для выхода из программы. Нужно стать очень внимательной, наблюдать, запоминать и делать выводы. Но увы, кроме травы и слишком сияющих храмов ничего эдакого я не заметила. Скорее наоборот, реальность ко мне беспощадна.

Каждый шаг лишь усиливает весь спектр неприятных ощущений от кляпа, смиренной рубахи до голода и страха, я будто живая погружаюсь с головой в формалин, через несколько месяцев и на моём лице не останется выразительности, индивидуальность сотрут и сделают одной из идеальных травинок на этом газоне.

Мы идём по неширокой дорожке из серого камня, отпо-

лированного ногами сестёр — за десятилетия здесь прошли тысячи шагов, размеренных, спокойных, подчинённых монастырскому ритму. Каждый шаг — часть вечного круга: молитва, труд, снова молитва, а ночью слёзы над своей незавидной судьбой. Это незатейливое, но тяжёлое расписание скоро начнёт приручать и меня, вольную птицу, обламывая острые углы моего непростого характера.

Боже, откуда у меня такие высокопарные мысли...

Никогда не страдала страстью к поэтике, а сейчас понесло, и правда напоминает бредовое состояние, к счастью, я пока ещё понимаю суть того, о чём думаю, и это пугает ещё больше.

Боже, дай мне сил и терпения, не сойти с ума по-настоящему.

Тропинка обогнула пёструю клумбу и привела нас к кельям и трапезной. Мария быстро махнула рукой в сторону бытовых построек, и не останавливаясь, потянула меня дальше:

— Вот там наши кельи, но тебе, наверное, придётся какое-то время просидеть одной взаперти, мы все через это прошли, даже я, как наречение, понимаешь ли? Очиститься надо от мирского, от всего зла и обид, понять, что в жизни-то всякое бывает. От тюрьмы и сумы не зарекайся. Все прошли сие испытание, и ты пройдёшь. Молись и помни, что всё могло быть гораздо хуже.

Она всё пытается меня приободрить, но лучше бы просто

убрала кляп и отвела в трапезную, я бы стала совершенно покорной на какое-то время.

Увы, пока меня не примут, не оформят, никакой еды. Тем временем мы добрались до отдельного белоснежного особняка:

— Вот горницы настоятельницы и наставниц, здесь нужно проявлять совершенное смирение, и лучше вообще не подходить, если не зовут, — Мария говорит ласково, но дёргает меня очень сильно и резко, заставляя ускориться, поднимаясь по ступеням. А я и ногу поднять не могу, того и гляди завалюсь. — Погоди, давай-ка осторожно задеру тебе рубаху.

Она придержала юбку домашнего платья и задрала смирительную рубаху, освобождая мои занемевшие ноги. Теперь я смогла шевелиться гораздо быстрее.

Поднялись по ступеням и вошли в полумрак особняка.

— Я тебя в кабинете запру, ничего не трогай, приказа развязать руки и убрать кляп не было, так что пусть матушка настоятельница сама решает, что с тобой делать, а я пойду. Ты, главное, проявляй покорность, и всё будет хорошо, райская у нас жизнь, спокойная, тебе понравится!

Втолкнула меня в проём двери и закрыла на ключ, что-то ворча себе под нос.

Кабинет настоятельницы встретил меня сдержанной, почти аскетичной благодатью. В воздухе витает тонкий запах ладана, годами оседавшей на старых побелённых стенах. В красном углу одна большая, но почерневшая от времени

икона Божией матери с младенцем, без оклада, в скромной раме без позолоты и излишних украшательств. Перед иконой горит маленькая лампада, такая же простенькая, как и вся обстановка.

У окна стоит массивный деревянный стол, не деловой, а самый простой, его можно было бы и в столовой поставить, и в какой-то мастерской. На его поверхности, отполированной годами прикосновений, простой набор для не слишком обременительного делопроизводства: массивная чернильница с потемневшей серебряной крышкой, гусиное перо, стопка плотной бумаги, массивные песочные часы и блюдо с четырьмя просвирами, если бы не кляп...

Возле стола — простой стул с прямой спинкой, которому тоже лет сто. В углу единственное «излишество» интерьера — небольшая печь, выложенная бело-голубыми изразцами с цветочным орнаментом. И огромный чёрный сундук, с кованым декором, и огромным амбарным замком. На таком сундуке и на ночлег устроиться можно.

Смотрю на всё это благолепие и никак не могу объяснить происходящее. До сих пор не могу. Моё сознание отказывается верить в происходящие события, особенно в оживший стакан, и в то, что происходило в семейном гнезде Андрюши и Анастасии, там тоже много чего летало, и не по моей воле, это точно.

Очень бы хотелось предположить, что это чей-то злой розыгрыш? Но нет, это реальность. Именно этот кабинет и

его неподдельная обстановка окончательно лишила меня надежды на то, что это иллюзия, бред, сон, постановка, декорация, что угодно, только не моя новая жизнь.

Увы, это моя новая жизнь.

Заметила старинную, грубую вешалку у входа, появилась гениальная мысль. Поднялась на носочки и попыталась зацепить тряпку кляпа за один из крючков, не сразу, но получилось избавиться от затычки, из-за которой моя челюсть неистово ноет.

Пусть меня карают, наказывают, но я страшно голодная, не теряя драгоценного времени, подошла к столу, наклонилась и онемевшими губами взяла одну просвиру, медленно разжевала и проглотила. А потом ещё одну.

Будь я одержимая, то не смогла бы съесть освящённую пищу. Интересно, если моему так называемому мужу дать выпить святой воды, он не начнёт корчиться в агонии и выкрикивать мерзости, как это делают настоящие одержимые?

Просвиры только усугубили чувство голода.

Присаживаюсь на широкий сундук и начинаю молиться о скорейшем избавлении меня от неволи, потому что мы с этим местом не созданы друг для друга.

Почему-то я уверовала, что это не «Алькатрас», сбежать из обители возможно, и я не задержусь. Только куда бежать? Этот мир для меня чужой, причём в каждой мелочи. Никого не знаю, про жизнь настоящей Анастасии воспоминаний почти нет, только если какой-то триггер срабатывает, то ка-

кие-то картинки всплывают в памяти. Как только что, слова Андрея, о моём падении воссоздали целый ряд неприятных событий, и на самом деле всё было не так, как он утверждает. Жена действительно застала любовников, и её гнев был праведный...

А если сказать настоятельнице правду, что я не та, за кого меня принимают, и что это не помешательство, или нет, просто скажу, что ничего не помню, и действительно упала с лестницы. Или сказать, что это подлые грешники меня решили упрятать в монастырь.

Стакан!

Она мне не поверит из-за разбитого стакана.

— Какая пакость меня так подставила, кто ты? Что тебе за радость такая, запереть меня в монастыре? Тебе поди тут неуютно? — обращаюсь к невидимой сущности, если такая есть. — Я расскажу о том, что ты существуешь и пусть по тебе отслужат панихиды, или что там читают, чтобы отправить нечисть обратно в ад!

В этот момент со стола срываются внушительные песочные часы и летят прямо в меня, едва успеваю пригнуться. В этот момент дверь открылась, и настоятельница снова удостоилась чести увидеть, как её любимые часы разбиваются о стену над моей головой, а я заваливаюсь набок и отключаюсь, с последней мыслью, что мне теперь точно конец...

Глава 3. Кто меня подставляет

Едкий запах выдернул меня из тьмы и сразу окунул в нестерпимую дурноту. Кажется, я только что опять вернулась в это тело, ещё одна неудачная попытка «избегания» проблем. Но увы, я снова здесь, и, более того, в том же кабинете настоятельницы.

Настойчивый, но спокойный голос матушки Евдокии прорвался сквозь оглушающий шум в ушах.

— Очнулась? Рано ещё помирать, кому лучше сделаешь? Именно что никому, муж только обрадуется вдовству-то, а ты во сыру землю. Вставай, руки сейчас развяжем, идти придётся самой. Здесь некому тебя таскать, голубушка.

Настоятельница осторожно помогла мне встать, развязала смирительную рубаху и стянула её через голову, отчего волосы потеряли последние шпильки и рассыпались по плечам.

— Всё же ты одержимая. Мы с таким сложным случаем сами справиться не сможем, молитв недостаточно. Да и оставлять тебя здесь, считай, что осквернять святую, намоленную землю. Вставай, если будешь вести себя хорошо, то получишь хорошую, сытную еду, да не трясись, никто тебя здесь не обидит, сами тебя боимся. Разместишься в отдельной келье до приезда инквизитора...

Меня словно окатили кипятком.

Это слово ужасом вонзилось в сознание, и началась

неприятная, лихорадочная дрожь...

— Инквизитор? Но я ничего такого не делала, я могу есть освящённую пищу, честное слово, я готова молиться и работать...

Шепчу осипшим голосом, окончательно осознавая, что с этого момента мои проблемы только начинаются. Никогда и ничем хорошим не заканчивается «приём» инквизитора.

— Будешь и молиться, и работать, но после того, как тебя осмотрит господин инквизитор, он же не палач, что ты вся трясёшься. Я больше тридцати лет в монастыре и всяких к нам привозили, но никто не швырял предметы, никто не пугал меня до замирания сердца. Веди себя хорошо и больших бед не будет.

Как будто маленькие беды не пугают.

Пришлось идти впереди матушки, она меня лишний раз и тронуть боится, я сама себя боюсь, если честно. Но иду медленно, хочется надышаться свежим воздухом, пока меня не заперли в очередную коморку.

— По правую руку...

На развилке свернули на правую дорожку и пошли в другую сторону от жилых построек, всё дальше и дальше от храмов, в самую пустынную часть монастыря.

— Вот здесь остановись.

Очередной приказ заставил меня замереть перед монастырской стеной. Из-за пышного куста я и не заметила малюсенькой, скруглённой двери.

— Открывай, входи и молись, чтобы инквизитор скорее приехал, не по злобе так поступаю, ты должна понять, что у меня нет иного выбора и с мужем тебя отпускать боязно, и среди нас оставлять на воле страшно. Сейчас тебе принесут еду, чистую воду, дырка для нужд, прикрытая крышкой там есть, но если будешь пакости творить, то пеняй на себя. Еды не получишь...

Её доброжелательность растворилась в тот момент, когда я, повинаясь собственной наивности, вошла в свою камеру, и дверь за спиной захлопнулась.

Евдокия просто меня испугалась. Странная женщина, словно не понимает, что будь у меня способности, какие она подозревает, то двери – не преграда. Но у меня способностей нет, и я попалась...

Келья оказалась каменным мешком. Холодным, сырым, и неприятно пахнущим. Самое место для нечисти...

Однако это не тюремная камера, здесь вполне обустроено для отшельничества. Деревянные нары с чистой подушкой, соломенным матрасом из плотной мешковины, застеленным белой простынёй и тонким одеялом. Вместо стола – выступ в стене, в углу под низким сводчатым потолком маленькая икона и свет в келье только от её лампы. В углу большое ведро с чистой водой и деревянным ковшиком для омовений. Всё располагает к тому, чтобы начать молиться о скорейшем приезде господина инквизитора. А ещё располагает к тому, чтобы, наконец, основательно подумать о своём неза-

видном положении, постараться восполнить пробелы памяти и ответить на непростые вопросы:

Почему я упорно считаю себя не Анастасией, а Светланой? Почему не помню толком ничего, только какие-то кусочки, причём вперемежку из двух жизней. Одни соответствуют этому винтажному странному миру, другие отличаются картинками кардинально. И я совершенно точно не смогла бы придумать настолько ярко и подробно одежды, технику, образ жизни, телефоны, самолёты, автомобили, да вообще целый мир. Очень странно, почему я осознаю себя Светланой, но почти ничего не помню из её личного прошлого. Всплывают какие-то обрывки, я, кажется, работала с детьми, учительница, психолог, воспитатель? Из-за хаоса новой реальности и эта информация рассеялась.

Может быть, и к лучшему.

Через некоторое время маленькое оконце открылось, и Мария громко крикнула: «Возьми еду!».

Пришлось встать с постели и принять в открывшееся небольшое оконце плоску с кашей, ломоть хлеба и кружку с каким-то напитком на травах.

— Спасибо.

— Слушай, не знаю за что тебя наказали, но предупрежу, в эту келью для провинившихся еду дают только один раз в день, ты сразу-то всё не съедай. И вот на-ка яичко варёное, до завтра дотянешь. Жалостливая я, это вроде не грех, но всегда попадаю в неприятности. Ну да ладно, пойду. Воду

завтра принесу из колодца, так что можешь не беречь. Долго-то здесь не держат. Покайся в грехах, да и выходи...

— Спасибо, — повторяю и она кладёт в мою руку варёное яйцо, сразу же закрыла створку и ушла, речитативом напевая какую-то молитву.

Ситуация завязывается на моей шее как шагреневая кожа, медленно, но, верно. Вроде и умереть не позволяет, но и жизнью это всё назвать невозможно. Одна радость, наконец-то ко мне попала нормальная еда. Каша пшённая, абсолютно постная, но хлеб оказался вполне приятным на вкус и свежим. Разделила на три раза, оставила полкружки «чая», пришлось оторвать прямоугольный кусок одного из подъябников и накрыть тарелку, чтобы с потолка не насыпалось пыли.

Подумала и оторвала ещё несколько: полотенце, косынка, и чтобы обтираться во время омовения.

Сразу же и помылась, от холодной воды кожа мгновенно покрылась мурашками, но я физически не выношу грязь и неприятные запахи, лучше замёрзнуть, но чистой. Обтёрлась, стряхнула платье и снова оделась.

На этом все дела закончились. До ночи ещё далеко, заниматься совершенно нечем. Накидываю на плечи одеяло, сажусь на нары и начинаю вспоминать, систематизировать обрывки памяти. Увы, прошлое Анастасии для меня покрыто тьмой неведения. Сама себя заставить вспомнить хоть что-то не смогла, как ни старалась. Но триггеры срабатывают,

именно триггеры.

Например, стоит вспомнить лицо мужа, как перед глазами возникает пошлая сцена грубого адюльтера Андрея и Елены: не снимая одежд, в нашем мире это называется «перепих», странное соитие без удовольствия, без ласк, скорее как одержимость сексом, похоть, нежели любовь. Этот момент предательства самых близких людей врезался в сознание Насти, затмил собой прочие воспоминания и весь мир рухнул...

Дальше тьма, и вот она я.

Первые дни в этом теле оказались ужасными: бесконечные скандалы, запугивание и угрозы отправить меня в самые ужасные места из-за одержимости. До глубины души поражаюсь беззастенчивой наглости Елены, лучшей подруги Насти со времён женского пансиона. К несчастью, никаких подробностей этой «дружбы» не знаю.

Но Елена вдруг возомнила себя хозяйкой дома, словно Анастасия уже списанная в утиль вещь. Дело осталось за малым, найти подходящий утиль. Сначала была неудачная попытка сдать меня в лечебницу для душевнобольных, но старый доктор пригрозил разбирательством, при нём стаканы не летали, а я на приёме была максимально адекватной. Муж испугался позора, но Елена продолжила его нагибать и заставила привезти меня сюда. Может быть, и нечисть, швыряющая стаканы, — её подлых рук дело?

Но самое ужасное в сложившейся ситуации то, что не могу объяснить осознание себя не Настей, а совершенно другой

личностью, если не смогу скрыть этот диссонанс на приёме инквизитора, то мне точно конец. Объяснений подозрительного «двуличия» нет вообще, кроме одного самого неутешительного диагноза, какого интуитивно боятся почти все когнитивно развитые люди: Диссоциативное расстройство идентичности.

Очень странно, что я вообще вдруг вспомнила эти слова, а не назвала как-то по-обывательски, например, шизофрения или раздвоение личности.

Видимо, я не просто осознаю себя, но и интуитивно понимаю природу душевного состояния, как психолог, а Настя такими знаниями и навыками не только не владела, но и совершенно не интересовалась.

Вопросов появилось ещё больше, и ответить на них, пока не могу из-за отсутствия данных анамнеза.

Ладно бы проблема была только во мне, судя по тому, как я сейчас рассуждаю, то контролировать себя могу. Но как быть с этой пакостью, что меня так усердно подставляет? Какая такая мистическая гадость прицепилась и делает всё, чтобы довести мою ситуацию до состояния, близкого к катастрофе, да, собственно, я уже в каменном мешке, а следующая станция конечная – допрос у инквизитора.

Мне-то в чём каяться? Если я крайняя в чужих грехах...

Задать эти вопросы вслух я побоялась, чтобы не взбесить невидимую сущность. У меня есть что терять: каша, напиток, яйцо и хлеб. Если этот фантом песочными часами в сте-

ну запустил, то оставить меня без еды, ему раз плюнуть.

Отложила эту страшную тему на допрос инквизитора.

И в целях самосохранения прямо сейчас нужно заставить себя полностью принять личность Анастасии, и вообще не упоминать ничего про иной мир и про Светлану. Если кто-то спросит, скажу, что из-за падения было временное помутнение рассудка и потеря памяти, а теперь всё прошло, я совершенно точно – Анастасия. Приучить себя к этой установке я должна до того, как по мою душу приедет господин инквизитор. И молиться, чтобы у Насти точно не было синдрома ДРИ, тогда я никогда не узнаю её тайн, буду случайно меняться с ней местами и впоследствии отвечать за её деяния, терпя болезненные экзекуции.

Так себе перспектива.

Я передумала всё, что смогла вспомнить. Больше никаких мыслей.

Наступила совершенная скука, переходящая в отчаяние, думать больше не о чем, делать больше нечего. Настоятельница права, нужно молиться...

Только я открыла рот, чтобы вслух произнести первые священные слова, как маленькое окошечко, через которое Мария подавала мне еду, распахнулось, и в него протиснулся внушительный букет тех самых цветов, что я видела на главной клумбе.

Так и висит в проёме.

В любой другой ситуации, я бы ни за что не встала с крова-

ти, наоборот, спряталась бы под одеяло и начала дрожать как осиновый лист. Но сейчас я встала, забрала букет, и оконце шумно захлопнулось перед моим носом.

— Ты мог бы меня выпустить, и помочь сбежать. Не мне, а тебе будет худо на допросе инквизитора.

Клянусь, я в этот момент ощутила ледяное прикосновение к щеке, сама заледенела от ужаса. И в следующее мгновение всё пропало. Только цветы в руке напоминают о совершенно необъяснимом происшествии.

Кажется, невидимка приложил все усилия, чтобы я оказалась здесь. Остаётся один вопрос: «Зачем?»

Глава 4. На чистую воду

Невыносимо медленно тянется время взаперти. Ладно бы ещё в своей квартире, да с интернетом, телевизором, книгами, велотренажёром. Никогда бы не подумала, что вспомню локдаун ковида, как о чём-то приятном.

Заточение внезапно сработало триггером для воспоминаний моей жизни в том мире. Но только быт и то обрывками, я вспоминаю свои действия с предметами и осознаю их. Теперь совершенно точно помню, как работать с ноутбуком, как вести прямые трансляции, но не могу припомнить, о чём я рассказывала в своих выступлениях или собеседованиях. Словно на этих воспоминаниях стоит табу на разглашение.

Чтобы не тронутся умом окончательно, составила себе простой план на день. Тренировки, гигиена, творчество, единственное, что мне доступно – сочинять стихи. И попытка наладить контакт с невидимкой. Но он или она оказался неконтактным. Не вижу, не слышу, к счастью, его голос в своей голове.

Попыталась наладить простейшую форму коммуникации:
— Мы можем общаться, я задам вопрос, а ты стуком отвечаешь, один раз – да. Два раза – нет. Хоть бы форточкой постучи...

В ответ тишина.

Но неразговорчивый невидимка продолжает меня одари-

вать через небольшое оконце в двери. Цветы, красивые камушки, еда: ещё тёплая сдоба, блины, варёное яйцо, мелочь, но так я точно не пропаду с голоду. Одно плохо – не хватает напитков, а пить из ведра я не рискую.

Загнусь от обезвоживания скорее, чем от голода, тоски, и временами накатывающей на меня паники за жизнь. Никто, кроме Марии к моей келье и не подходит, даже из любопытства.

Я не потеряла счёт времени, оно просто остановилось, а мои потребности нарастают с каждым днём. Мне нужна смена белья, платье, мне нужен свежий воздух, баня. Кажется, что я вся пропахла каменным мешком с дыркой для естественных нужд. Положение незавидное, пугающее и опасное для нестабильной психики Анастасии, а теперь и для моей психики.

Однажды я поймала себя на мысли, что с нетерпением жду инквизитора. И в очередной визит Марии не сдержалась:

— Мария, а когда за мной приедет инквизитор? Ты не слышала? Я сижу здесь уже слишком долго, это негуманно. Я – жертва аферистов, так ещё и настоятельница надо мной устроила издевательство.

— Да тебя все боятся, никто так долго не сидел в этой келье, помнится мне самое долгое три дня за воровство. А ты уж вторую неделю, — кажется, до послушницы начало доходить, что со мной обращаются слишком жестоко, и я уже на

границ, а учитывая состояние психики, то эта грань пройдена уже давно.

— Я не выдержу, совершу грех, какой запятнает чистоту святого места, и виноваты в этом будете вы все. Ведь есть же какой-то высший совет? Есть те, кому подчиняются настоятельницы монастырей...

Не успеваю договорить, как оконце захлопнулось, и Мария умчалась с пугающими новостями о моих грешных планах. Икак я раньше не догадалась припугнуть их?

Через несколько минут, каких хватило бы для того, чтобы сбегать туда-обратно, и пересказать мои ужасные слова, замок на двери лязгнул, старые, ржавые петли протяжно проскулили, и грозный голос самой настоятельницы потребовал, чтобы я вышла.

— Мы отправим тебя в столицу. Пришли неутешительные вести, старый инквизитор, славящийся своей добротой и состраданием к таким, как ты, умер. Сейчас его сан принимает молодой и весьма амбициозный человек. Мне жаль, тебе не повезло даже в этом. Новому инквизитору пока не до таких дел, потому и не приехал, да и не приедет, — она сказала это таким тоном, словно ничего такого ужасного и не произошло, ровно, холодно, только факты.

Вот уж не поняла, радоваться этой новости, что от меня решили избавиться или огорчаться тому, что добренький инквизитор уже в раю пожинает плоды своих праведных трудов.

— Но куда в столицу? — очень неприятное чувство недоверия к происходящему заставили обхватить себя руками, закрыться, но не отступить. В камеру я больше не вернусь...

— К мужу, — она демонстративно разорвала ту самую бумагу, какую написал Андрей, прошение принять меня в монастырь. — Разрываю его прошение, потому что не знаю, как с тобой поступить, оставить здесь не могу и не хочу, и ты всё ещё жена своего мужа. Вот и пусть он решает твою судьбу.

— Я этого так не оставлю, честное слово не оставлю. Вы меня усадили в каменный мешок, теперь отправляете обратно, просто разорвав документ? А кто компенсирует мои страдания? Вы обязаны не замалчивать произошедшее, а предать огласке, чтобы призвать подлеца мужа к ответу!

— Хочешь остаться в этой келье до конца своих дней, глупышка? Я могу тебе это устроить.

— Да, можете. И конец дней моих настанет очень скоро, а ещё, просто для справки, муж изменил мне с моей же подругой, грубо нагнув её. Такая гадкая интрижка за моей спиной.

— Замолчи, твой язык — враг твой, не оскверняй...

Настоятельница не так просто вывести из себя, её лицо так и осталось холодным, такие люди особенно страшны, низкий уровень эмпатии и ещё ниже уровень эмоциональности, даже эти грозные слова она произнесла слишком спокойно. Хорошо, если это лишь следствие затворнической жизни. Если часть какого-то диагноза — то горе мне вдвойне.

Но я продолжаю давить свою линию.

— Грязь, это то, что они со мной сделали, а вы их прикрыли, они избавились от меня с вашей помощью. Вы соучастница, ещё и жестокая. Если бы тот разбитый стакан был моим «делом», а я была бы той, кем вы меня считаете – ведьмой, колдовкой, одержимой. То вы бы меня не смогли здесь удержать столько невыносимых дней. Смог ли мой муж надеть на меня смирительную рубашку? Вот именно! Вы не того человека назвали ведьмой, не того человека посадили в каменный мешок.

— А почему ты так долго молчала? Где были твои слова про то, что ты не колдовка в первый день, или на следующий, почему только сейчас? И как мне тебе поверить без инквизитора?

Логично, и мне нужно срочно что-то придумать, чтобы...

— С кляпом-то не очень поговоришь. Возможно, на меня навели какое-то воздействие, я ничего не могла вспомнить, только страх оставаться в доме с мужем и ненависть. Мне нужен не инквизитор, а адвокат по разводу. Это дело не мистическое, а самое обычное, бытовое. Если вы поможете мне, дадите одежду, и некоторую сумму на обратную дорогу, то я не буду заявлять на ваше беззаконие.

— Поразительно, какое в тебе завидное упорство гнуть свою линию. Ты действительно думаешь, что невинная? Что в тебе нет того самого, за что можно сесть навсегда в этот мешок? Возможно, муж поступил с тобой ужасно. Но я вижу

его...

Она улыбнулась и посмотрела мимо меня, на стену, словно за мной кто-то стоит. Оборачиваюсь и всё равно никого не вижу.

— Кого его? — блефую, потому что цветы остались в камере и от этой улики я избавиться не успела, и мы обе знаем, что какая-то нечисть всё же здесь вьётся. Но если я её не вижу, значит, её и не существует.

— Не притворяйся, я вижу твоего магического помощника, он прямо сейчас находится рядом с нами и готов меня разорвать на части, да только ему мешает мой артефакт. Он и дверь в келью не мог открыть только потому, что на ней висит рунный заговорённый замок. Я очень надеялась, что ты признаешься сама, но вижу лишь поразительную изворотливость, какой славятся все ведьмы...

Боже, вот чего она ждала, чтобы я призналась в связи с нечистью...

Но у меня тоже есть чем ответить на суеверный страх:

— Женщина, у вас шизофренические галлюцинации, здесь никого нет! Мы с вами стоим около кельи, мы и куст. Больше ничего нет! Это серьёзное психическое расстройство. Будь у меня какой-то там помощник – то я бы приказала ему разорвать не вас, а мужа. Вы ошиблись во всём, выдали галлюцинации за реальность. А страдаю я, странно, что вы разорвали прошение мужа, но не избавились от конверта с деньгами. Понимаю, что мне уже нечего терять и вам всем

выгоднее заморить меня голодом в этой келье и забыть. Никто не будет меня искать. Никто не упрекнёт вас в содеянном. Допустим, какая-то пакость рядом крутится, но она не моя, клянусь вам!

Наконец, её прорняло, с какой злостью она посмотрела на меня. Мы обе помним про стакан и про часы, и про подарки от «нечисти» я тоже помню, но не признаю за собой способность как-то влиять на невидимку. Потому продолжаю упорно считать себя невиновной жертвой. Ровно наоборот обо мне думает настоятельница, и по какой-то совершенно странной причине, она видит дарителя букетов, а я нет.

И кто из нас настоящая ведьма после этого?

— Хорошо, чтобы ты не считала меня злодейкой, я поступлю, по справедливости, и дам тебе право выбора. Сейчас же сама отвезу тебя в столицу.

— И в чём выбор?

— Только два места, либо твой дом и муж, либо кабинет инквизитора, раз сама веришь, что не ведьма, он проверит, подтвердит, и ты получишь индульгенцию.

— Я выберу третье: контору адвоката по бракоразводным делам, или кабинет прокурора, потому что на меня совершенно нападение, — продолжаю упорствовать.

— Значит, к мужу, а там уж сама выкручивайся, адвокатов, юристов, кого хочешь, только мужа не убивай, а то осудят мигом, и эта келья тебе райской покажется. Впервые вижу такую мощную и непутёвую ведьму, сделай одолжение,

помни мою милость и не впутывай в свои дела, если бы ты не была ведьмой, то я бы тебя давно выпустила, надоел твой этот помощничек, думает, что я не вижу, как он цветы рвёт, от клумбы уж скоро ничего не останется. Пошли за мной и не вздумай совершать какие-нибудь глупости...

Не поняла, она это мне про глупости сказала или невидимке? Оборачиваюсь и замираю, потому что внезапно тоже увидела его, стоящего у стены призрачного мужчину, крепкий, высокий, прям гладиатор, и ему в монастыре очень неуютно, я вдруг его ощутила, как себя, как ещё одно тело, как призрачный аватар и между нами появилась мощная связь. С этой минуты мне к инквизитору точно нельзя. Настоятельница очень виртуозно вывела меня на чистую воду, к моему же собственному удивлению. Странно другое, почему настоящая Настя не использовала этого монстра, чтобы придушить Андрея?

Пора вернуться домой и разобраться.

Глава 5. Кто ты такой?

После внезапного обретения воли мне позволили посетить холодную баню, на том и закончились мои испытания холодом, голодом и неудобствами. Я с удовольствием начала поливать своё измученное тело тёплой водой из ковшика, ощущая каждую струйку и стараясь не смотреть в тёмный угол бани, потому что там сидит ОН.

Выгнать невозможно. Договориться тоже не получается. Он просто сидит огромной тенью. Не испытывая никаких угрызений совести, от того, что подсматривает за мной. Или присматривает как верный пёс. Появилась мысль попросить его полить мне на голову, чтобы быстрее смыть пену грубого мыла, но не рискнула.

Уже тихо ненавижу тот момент, когда впервые заметила его, лучше было не видеть и не знать. К счастью, я не верю в массовые галлюцинации, и, если его видит игуменья, значит, он не плод моего воспалённого воображения.

Отмылась с особой тщательностью и не щадя себя, волосы три раза мылила, чтобы выветрить неприятный запах, сожалея, что банька негорячая, очень хочется прогреться, чтобы до самого позвоночника тепло проняло, расслабило и оживило.

Отжала волосы, закрутила шишку и на мои плечи мягко легла большая простыня, пахнувшая свежестью летнего дня.

Это было бы так прекрасно и романтично, но я от ужаса дёрнулась и на скользком, мокром полу и начала медленно падать, как в замедленной съёмке.

«Неуклюжая!» — прогремело в сознании в тот момент, когда ОН подхватил меня «на руки». Видимо, долго держать не может, потому я проскользила сквозь него, но не упала, а встала на ноги, ощущая его невидимое тело, оно намного плотнее, чем воздух, тень или если бы он состоял из каких-то частичек, как песочный человек. Нет, он совершенно точно какое-то силовое скопление энергии, только током не бьёт. А ещё он очень громкий.

От его единственного слова, прогремевшего в моей голове, чуть сосуды не полопались.

— Спасибо, но не мог бы ты говорить чуть потише.

— Это ты меня так слышишь...

Снова грохот, от которого тошнота подступила к горлу. Его «слышу» только я, но от этих странных вибраций начало ужасно тюкать в голове:

— Лучше молчи... Что-то мне плохо, сейчас немного отдохну в предбаннике, приду в себя. Ты же понимаешь, что по всем законам физики, логики, и даже психиатрии, тебя не существует, но ты есть. И меня это пугает до замирания сердца и до судорог в ногах, причём это не метафора, у меня реально свело ноги. Ай! Мамочки...

Я кое-как уселась на лавку, вытянула ноги и начала тянуть носки на себя, пытаюсь прекратить судорогу, но бесполезно,

не отпускает, только хуже с каждой секундой.

ОН, заметив мою беду, опустился рядом, окутал скрюченные от боли пальцы непрозрачной тенью и согрел.

Держите меня семеро. Нечисть заботится обо мне как о какой-то принцессе. Мы в монастыре, здесь такого в принципе не может происходить, его же должно корёжить от священного места, а не меня.

Или он не нечисть...

Но задавать вопрос о природе его происхождения я не решилась, потому что не хочу снова слышать его «голос» в голове, а потом помереть от инсульта. Покосилась на НЕГО со страхом. А он, словно почуял и поднял голову, а до этого всё так же смиренно сидел на полу, окутав мои ноги.

Ждёт...

Ноги согрелись, мне вообще стало намного легче, словно пропила курс витаминов, и пару недель на море провела, даже голову отпустило, и в ушах звон стих.

— Спасибо большое, мне легче, оденусь сама, — намекнула, чтобы оставил моё чистое бельё в покое, а то уже видимо решил, что я совершенно обессиленная и не в состоянии платье на себя натянуть.

Отошёл в тень у большой каменной печи, но не исчез.

«Не было у бабы забот, завела себе поросё!» — подумалось, но вслух не сказала, он, должно быть, читает мои мысли. Поспешно оделась в новое, очень простое платье, про-

сушила волосы полотенцем и заплела косу. Возвращаться в столицу только завтра утром, так сказала настоятельница, а сейчас я обычная послушница, какая отбыла своё какое-то наказание или аскезу. Потому плотно завязываю большой белый платок на голове, как это делает Мария, на белое платье накидываю бесформенное, серое платье-рубашу и выхожу из бани во двор.

У меня есть чёткие инструкции от настоятельницы.

Ни с кем не общаясь, я должна быстро поужинать, лечь спать в сухой, чистой келье, а утром уехать. И вот именно это меня больше всего напрягает и пугает. Не хочу возвращаться домой. И ещё меньше хочу попасть на приём к инквизитору.

Зато очень хочется высказать призраку свои претензии, за все проделки. Как вообще получилось, что Настя свалилась с лестницы? Почему этот недомуж со мной так ужасно обращался: запер, почти не кормил, привёл какого-то алкаша लेकर, чтобы тот сделал заключение о моей одержимости. Он и сделал, когда ему в лоб прилетел ботинок, это был первый акт магического вандализма, какой удосужилась пережить я, были ли подобные происшествия при жизни Насти, не знаю. Это уже не так важно. Важнее понять цели моего огромного проклятья.

Почему призрак действует хаотично, совершенно непродуманно и опасно? Из-за ЕГО «шалостей» я угодила в каменный мешок и просидела целую неделю в ужасных условиях. Даже притопнула ножкой от злости. Ощущение, что не

его ко мне приставили, а меня к нему, к самому безбашенному и непоследовательному призраку на свете.

Остановилась, подняла голову и смотрю на облака, только чтобы успокоиться, в таком состоянии зайду в келью, и тогда уж точно не успокоюсь до утра.

Кучевые, красивые, сияющие облака больше похожи на огромный сказочный город фей. Хотелось бы туда попасть, а не это всё...

И так живо представилось, что меня окружает прохлада, свежесть и свобода, что я на всё происходящие вдруг смогла посмотреть сверху, просто посмотреть на себя маленькую, стоящую на территории храмового комплекса, и задравшую голову вверх.

Неожиданно получилось увидеть ситуацию со стороны.

Разбитые стакан, часы, башмак в голову пьяного лекаря – это всё для того, чтобы я попала сюда и осталась. Да, не самые комфортные условия, но зато в безопасности.

И в камере я просидела дольше чем нужно, тоже по собственной вине, потому что просто сидела и чего-то ждала, а надо было наладить настоящий контакт с НИМ.

Как, интересно его зовут?

Молчит...

Внезапно загудел колокол, оповещающая сбор на вечерний молебен, и я вдруг ощутила, как моему телохранителю дискомфортно. Звук входит с ним в резонанс. Призрак начал звенеть, и моя голова присоединилась...

— Ой, уйди, можешь уйти? Скорее!

ОН исчез, провалился под землю, и головная боль утихла.

— Это я теперь с ним всегда вот так буду маяться, странно, что меня от святой земли не трясёт.

Ворчу себе под нос и иду куда должна — в трапезную, теперь мне никто не обязан прислуживать.

На широком, длинном столе в углу выставлены закрытые деревянными крышками едва тёплые чугушки и крынки с холодными закусками. Осмотрела весь ассортимент «шведского стола» и принялась собирать свою порцию. Из самого большого чугушка достала три небольшие ярко-жёлтые разваренные картошины, растолкла их деревянной ложкой в плошке, сверху ложку крутых сливок, зелень, типичную для простого стола: укроп, петрушку. Варёный горох, варёную морковь из других уже остывших чугушков и малосольный огурец из широкой миски. Считаю, постный оливье получился. Вполне приятный ужин, жаль без яйца...

Стоило подумать, как из кухни ко мне медленно прилетело варёное яйцо, явно рассчитанное на завтрак, но я не отказалась. Полезный, однако призрак у меня в услужении.

Несколько минут «колдовства» и в тарелке появился тот самый бабушкин «Оливье» со сметаной, какой я любила больше всего, про докторскую колбасу даже не заикнулась, а то с ЭТОГО станется, найдёт какого-то лекаря-доктора и делает из него мясосодержащий продукт, готовый к употреблению. Бр-р-р.

Пока колокола молчат, и в трапезной никого, быстренько начинаю есть, и всё же задаю ЕМУ вопрос, какой вдруг показался самым важным:

— Постарайся говорить тише, но ответь, почему ты выbral меня? Почему не можешь от меня отстать? У нас какая-то связь?

Помнится, муж говорил, что у Насти есть брат, и от него из далёкого гарнизона уже третий год нет вестей. Может быть, это он?

Жду ответа...

А он тянет...

— Отвечай, это приказ!

«Я призван тебя убить...»

Глава 6. Отъезд

Из-за откровений призрака я долго не могла уснуть. Даже чистая, сухая постель не соблазнила на отдых, в голове крутятся неприятные мысли о НЁМ и том, как бы от него избавиться, не привлекая внимания санитаров, общественности и инквизитора.

Лучше бы я думала о том, как вернуться в дом, где завелись две крысы, каких просто так наскоком не возьмёшь и не прогонишь?

Даже не знаю, что хуже муж в паре с Еленой или призрак с его необузданностью? Возникло ужасное противоречие, классическая щель между желаниями и возможностями, в какую уходит вся жизненная сила. Желаний много – возможностей нет совсем.

С одной стороны, мне реально страшно вернуться в «семейное гнёздышко», с другой стороны, иных безопасных вариантов-то и нет, как и нет возможности обрести настоящую свободу. Развода нет, и Андрей Антонович имеет все права оставаться, пока я не придумаю законный способ с ним разойтись, причём так, чтобы не потерять даже часть Настинного наследства. Но Елена должна уехать незамедлительно. Однако её выгнать – такая же непосильная задача, как и мужа.

Вспоминаю, как она, виртуозно владея газлайтингом,

«клевала» мозг Насте. Причём по каждой мелочи и с явно гипертрофированной заботой, специально, чтобы отбить у девушки элементарные навыки самосохранения. Не иначе, она инициатор всех моих нынешних злоключений.

Возможно, что она и натравила на меня призрачного товарища, что сейчас сидит на моей постели и о чём-то размышляет. По какой такой нелепой случайности невидимый киллер, вдруг стал моим телохранителем? Вроде он на моей стороне, но постоянно всё портит. Почему у него случаются вспышки гнева, какие потом мне же так дорого обходятся, именно из-за этих спецэффектов я и оказалась запертой.

От его защиты и заботы одни неприятности – это многократно доказанный факт, с каким и не поспоришь.

Над ухом противно зазвенели комары.

Укрываюсь с головой одеялом и слышу: шлёп, бум, тук...

— Правильно, и комаров отгоняй! — проворчала крылатую фразу и внезапно уснула.

Утро началось до рассвета. Ох, знала бы я, насколько длинным окажется этот день, накануне уснула бы раньше. Сейчас я не хуже новобранца собираюсь, застилаю постель, умываюсь и жду у кельи, когда Мария позовёт в трапезную, но уже после всех монахинь и послушниц, мне нельзя пугать их своим присутствием.

Сразу после завтрака Мария повела меня к воротам.

— Сама матушка настоятельница тебя увозит, видать ты точно из этих...

Проворчала, не глядя, и ускорилась, заметив, что чёрная карета уже подъехала к «Приёмному покою».

— Нет, я не из этих, на меня навели проклятье смерти, муж хочет изжить со свету. Всё как у всех. Но проклятье очень сильное, потому молитвы не помогают. Придётся мне самой как-то решать свои проблемы. Я тебе благодарна за помощь и добрые слова.

Мария остановилась, долгим взглядом на меня посмотрела, и внезапно из её глаз закапали огромные слезинки, такие горячие, что сердце сжимается.

— Послушай, ежели так, то прошу, проверь адресок. Там мой сынок живёт Коленька, ему уже двадцать три годочка. Он и не знает, где я и что со мной. Так, муж постарался, оговорил меня, просто посмотри, всё ли у моего мальчика хорошо. Умоляю...

Протягиваю руки, и Мария ответила на мои объятия, и поспешно всунула в руку клочок бумаги.

— Обязательно посмотрю и скажу ему о тебе. А если выкарабкаюсь из своих бед, то непременно приеду и тебе расскажу. А может быть, и сына твоего смогу убедить, что ты в нём нуждаешься.

— Храни тебя Бог.

Она наспех перекрестила меня, развернулась и убежала, чтобы не показывать настоятельнице свои слёзы. За маской безразличия и апатии всегда скрываются самые бурные, нередко губительные страсти, чувства, эмоции и боль, у всех

по-разному, но итог всегда один...

Мария стала самым красноречивым призывом к тому, чтобы не прятаться в безопасных стенах монастыря, а действовать, решать свои проблемы, пока не прижгла какая-нибудь беспощадная психосоматика.

Вот и карета, нехорошо, что я заставила настоятельницу ждать.

— Доброе утро, — слегка кланяюсь, как это делала Мария, и тут же сажусь в карету, по молчаливому приказу Евдокии. С нами уселась ещё одна пожилая монашка в чёрном.

— Дорога дальняя, но один раз остановимся в небольшой часовне отдохнуть. В трактиры нам заезд заказан. Так что придётся потерпеть, а ещё лучше читать молитвы, чтобы господь управил наши судьбы.

Монахиня после слов настоятельницы подала мне листок, исписанный крупными буквами, какие можно читать и в дороге. Приходится читать, из-за чего у меня началось лёгкое головокружение от укачивания.

Тоже, наверное, посчитают, что это следствие одержимости.

Время в дороге так же замерло, как и в камере. Раз столовила себя на желании спросить: «А когда же остановка?», но решила не усугублять собственное положение. Евдокии ничего не стоит сменить адрес и отвезти меня не домой, а напрямую к инквизитору.

Терплю тяготы дороги молча. А мои попутчицы, кажется,

совершенно не испытывают никакого дискомфорта от тряски, пыли и шума.

Для них каждая такая поездка – праздник.

Неожиданно, когда сопровождающая монахиня задремала, Евдокия заговорила со мной шёпотом:

— Послушай меня, дево и внимательно, заруби на носу науку дельную: волю получить от мужа теперь тебе невозможно. Есть только несколько причин, когда муж отказывается от жены, первое – это бездетность, второе, ровно та игра, какую они с тобой затеяли: оклеветать, объявить душевнобольной и через год, ежели тебе не стало бы лучше, то и подать прошение о разводе. Это теперь твоя пожизненная каторга, жить с опасным мужчиной. Или вдовство, от которого я тебя предостерегаю. Вот хоть бы Мария наша, в порыве гнева убила своего мужа и не помнит этого, считает, что по его наговору попала сюда. Она женщина крепкая, к такой лучше под руку не попадать. Её не выпустят никогда. Или каторга, или монастырь. И ты не повтори её путь, будь умнее и хитрее. Я ведь тоже, как ты попала тридцать лет назад, и смирилась, поняв, что от меня все отвернулись, посчитали падшей. Это нестерпимо тяжело, но я смогла отпустить эту боль. Только зачем? Если можно всё вернуть и взять свою жизнь в свои же руки! Вот тот самый конверт, что отдал мне твой предатель муж, деньги тебе пригодятся. В нём же и твоя личная карточка. Без неё, ты пустое место. Постарайся не подвести меня. Но признаюсь, не решилась бы и не отпусти-

ла, и не рисковала бы так своим положением, не будь у тебя мощной сущности в услужении. Удивительно, что он смог проникнуть на нашу святую землю. Как верный пёс за тобой.

— Нет, не верный пёс. Он моё проклятье, и у него приказ меня убить. Наверное, это дело пакостных рук Елены, она настоящая ведьма. Однако я тоже очень удивлена, почему он до сих пор не исполнил приказ.

— В такие тёмные дела мне невозможно вникать. Я ведь еду на исповедь и должна буду доложить обо всём своему духовнику. Посему лучше молчи. А я лишь скажу на исповеди, что поступила, по совести, и не стала творить беззаконие, а отпустила тебя только потому, что у мужа не было достаточно доказательств и предписания суда. Понимаешь?

Я всё поняла. Мы балансируем на грани законности, и у меня есть только один шанс отвоевать и вернуть своё, спасти репутацию нормальной, здоровой женщины. Только так. В противном случае либо заточение, как у Марии, либо каторга. Либо смерть от несчастного случая.

Ставки невозможно высоки. А я ничего не знаю об этом мире, совершенно ничего.

Беру конверт, наклоняюсь и целую руку игуменьи, она с этого момента для меня как матушка заступница.

— Спасибо вам, матушка, спасибо. Буду молить о вашем здравии каждый день! Смею ли я Вас просить, остановиться не у самого дома, а чуть поодаль. Мне нужно накопить сил перед борьбой, не отдавайте меня мужу сразу. Пожалуйста...

— Думаю, что если перед домом будет довольно тесно и много людей, то мы, конечно, будем вынуждены искать другое место, чтобы высадить тебя.

— Благодарю вас.

Как вариант, с документами и некоторой суммой в конверте, я смогу вообще просто сбежать и забыть обо всём на свете, устроить свою судьбу так, как получится. И не встречаться более с подлецами. Настоятельница словно прочитала мои мысли:

— Если сбежишь, то будешь постоянно оглядываться и бояться за свою жизнь, проклятье надо снимать, а не откладывать. Но выбор за тобой, я больше в эти игры играть не смею.

Сказала и замолчала, а я задумалась, пытаюсь вспомнить тот момент в жизни Насти, когда она заполучила это ужасное проклятье...

И ничего.

Где-то в глубинах подсознания, где скрываются самые потаённые мысли и установки, где обитают демоны и ангелы, о которых психологи только догадываются, я вдруг почувствовала шевеление неприятной мысли, от которой по телу пробежала ледяная дрожь: «Не Настеньки это проклятье, это я его притащила из своей прошлой жизни!».

Кому я там так насолила? Быть такого не может, я же вроде бы с детьми работала?

Глава 7. Не трогай моё бельё

Карета остановилась у небольшого сквера, а до «моего» дома ещё полквартала пройти, если не ошибаюсь. Но боже мой, какие тяжёлые это будут шаги, чувствую, что совершенно не готова вступать в противоборство, и монастырская жизнь не для меня. Нерешительно открываю дверцу и не могу сделать шаг.

— Выходи скорее и береги себя. Будем ждать хороших вестей и молиться.

Игуменья перекрестила меня, я снова поцеловала её руку и выпорхнула из старенькой кареты на волю.

Столичная улица мгновенно окружила меня шумом, оголтелым чириканьем воробьёв, плачем младенца у нерасторопной няньки на руках. Нудные, однотипные звуки шарманки и выкрики кучки торговцев сладостями у входа в парк. Хаос непривычного бытия ошеломил и дезориентировал на какое-то время. Оглянулась, прощально махнула рукой и настоятельнице, карета качнулась, тронулась и уехала.

С этой минуты я одна...

Нет, не одна.

Моё проклятье уже рядом, чувствую его прикосновение, вздрагиваю всем телом, как испуганная лошадь, будь он реальным, то стряхнула бы его ручищу и потребовала бы отойти хоть на несколько шагов, чтобы не испытывать на се-

бе каждую его эмоцию, реакцию и энергетические всплески. Очень раздражает, надо сказать, такая сверхпроводящая чувствительность. Потому как он реагирует на всё, отовсюду ждёт опасность, реально как телохранитель «звезды», которую все ненавидят, и норовят закидать тухлыми яйцами на каждом выходе в свет.

Мне нужно подумать, как поступить. За время дороги не появилось ни единого пункта из непростого плана по возвращению в особняк Гринёвых.

— Эй, монашка, купи сладостей, на постном-то грусть-тоска, подойди, я не кусаюсь! — какая-то тётка с петушками на палочке заприметила мою нерешительность и надумала заработать, сыграв на соблазне.

— Спасибо, не хочу.

И тут же почувствовала, как ОН потянул меня куда-то в сторону от дома. Настойчивый какой.

Дотянул и замер напротив витрины с шикарными нарядами: «Модница. Салон женской одежды».

— У меня нет столько денег! — шиплю ему, опустив голову, чтобы никто не подумал, что я совсем уж ненормальная.

Тут же получаю раздражённый подзатыльник, он со мной вообще не церемонится.

Пришлось достать конверт, открыть и обомлеть. Триста рублей! Это ведь огромные деньги, судя по ценнику, хотя бы на вот эту шикарную шляпку на деревянном манекене в витрине – всего два рубля.

Открытие добавило уверенности в завтрашнем дне. Оказалось, что с деньгами и планы строить проще. Решительно делаю шаг к заветной двери салона и неожиданно замираю, потому что руку-то я протянула к ручке, чтобы открыть и войти как полагается, но мой телохранитель сделал это быстрее. Прямо как в нашем мире автоматическое открытие двери, нет его бесит моя нерешительность.

— Благодарю, но больше так не делай, иначе сожгут меня на костре, и потеряешь любимую свою забаву.

Он проворчал что-то невнятное и явно обиженное, но тихо и быстро: ни один мой нерв и сосуд в голове не пострадал.

— Доброго дня, сударыня, чего изволите? — не слишком ласково меня встретили в шикарном салоне, но я стараюсь не обращать на это внимание. Говор продавщицы выдаёт не слишком вышколенные манеры, возможно, она ко всем простеньким покупательницам так обращается, а с богатыми работает кто-то более подготовленный.

— Наряд по последней моде, шляпку вот эту с бантом. Бельё и чулки, будьте любезны.

— Это довольно дорого, есть ли у вас средства, простите за нескромный вопрос, но ваш вид...

Она многозначительно окинула меня взглядом, будто я сама не знаю, что выгляжу ужасно.

— Будет ли у вас сдача со ста рублей? — парирую её снобизм.

— В таком случае позвольте вам предложить...

Она осознала, что деньги не пахнут, и лучше их заполнить, нежели прозевать выгодную клиентку только лишь потому, что та выглядит как нищая послушница монастыря.

Мгновенно передо мной на дорогом столе появилось бельё: и простое, и кружевное, и чулки весьма приличного качества, думала, что они в этом мире грубее. Вискозу уже изобрели, как и масляные лампы, какие теперь горят во всю силу, чтобы я могла рассматривать себя в зеркале.

И я рассматриваю, не стесняясь. Красивая, как все милостивые юные женщины, не познавшие счастья материнства, не уставшие от повседневности, не знающие тяжёлых болезней и испытаний. Хотелось бы так сказать, но увы, я в этом теле вторую неделю, а столько всего «приятного» пережила, что о красоте можно было бы стенать в самую последнюю очередь. Но нет, не померкла. Глаза сияют синевой, прямой нос, довольно пухлые, выразительные модной формы губы и без филлеров, красивый овал лица, из таких, что долго держит форму. Я отдалённо напоминаю себя настоящую, как напоминают друг друга родные сёстры. Удивительное открытие. Похудевшая, слегка посеревшая и потерявшая лоск богатой жизни, но в целом есть с чем работать. Почему-то я себя новую примерно такой и представляла, или нет, не представляла – чувствовала. После падения с лестницы у меня не было доступа к зеркалам, муж предусмотрительно убрал всё из спальни, что, по его мнению, могло мне «навредить».

Ну да, лучше бы убрал себя...

Рассматриваю другие вещи и принимаю непростое решение о расходах:

— Я сразу переоденусь и заберу то, что мне подойдёт и сядет по фигуре без подгонки, нет времени ждать заказ. Записывайте в счёт.

— Как прикажете, сейчас приглашу помощницу.

С бельём разобрались быстро, настал черёд основного наряда.

Ко мне вышла опытная на вид модистка, в типичном наряде: белая блуза с пышным кружевным жабо, в юбке «годе» с удлинённым шлейфом. На руке «браслет» с подушечкой для игл, на поясе вместо ремня сантиметр, и в модной причёске «Помпадур» с высоченным начёсом торчит заточенный карандаш. Она явилась готовая во всеоружии. И всё закрутилось, завертелось. Какое счастье, что в кутерьме примерок, женщины не заметили, как тончайшие, кружевные кальсоны приподнялись над столом. Я покраснела от бешенства, и ОН убрал свои невидимые, похотливые руки от моего нового нижнего белья. Тот ещё, романтик-фетишист...

Выбор пал на шикарный, стильный костюм с утончённой талией, и объёмным бантом на попе. Но кое-что в нём поправить всё же придётся.

— Если подождёте всего час, то я быстро прошью, и тогда вещь сядет на вас как влитая, — произнесла модистка, отойдя в сторону, слегка запрокинув голову, как ваятель перед скульптурой, высматривая мелкие недочёты, какие обы-

ватель и не заметит, но профессионал не упустит.

Пришлось согласиться, оплатила все покупки, пока наде-
ла своё платье и вышла на час, чтобы отобедать, не терять
же время на простое ожидание в салоне.

В дешёвом платье я смогла только войти в самое про-
стенькое кафе-столовую для небогатой публики, взяла се-
бе котлету с гречневой кашей и яблочный компот. Простая,
вкусная, сытная еда, по какой я успела соскучиться. На яйца
в любом их варианте пока даже смотреть не могу, столько
их съела сидя в темнице, что, наверное, следующую яичницу
закажу себе года через три.

Пристроилась в уголочке и поспешно всё съела, от голода
уже в животе урчало, но ем быстро не только из-за голода, но
и из-за небольшой, шумной компании молодчиков-студен-
тов. Они, кажется, в свои компоты тайком из фляжки доли-
вают нечто крепкое, уже разгорячились готовые на подвиги и
жадно посматривают в мою сторону. Ещё немного и рискнут
пристать, их пятеро, а я одна, в нищенской одежде и очень
привлекательная. Желанная жертва, всё по классике викти-
мологии. Не успела вырваться из монастыря, а уже попала в
серьёзную переделку.

Глава 8. Десерт

— Ах, друзья мои, гляньте, какая барышня, а не заскучала ли она в одиночестве? Подойти, что ли, спросить? Развеять скуку? — один из парней, самый патлатый, неприятный и, видимо, уже изрядно набравший градус, решился на авантюру. Громко возвестил о своём намерении, встал и направился ко мне, неся с собой омерзительное амбре перегара.

Молча встаю и к выходу, но молодчик успел-таки ухватить меня за руку, да крепко. Его давно не стриженные ногти впились в мою тонкую белую кожу, и давит он со всей силы. Давит, понимает, что причиняет боль, и улыбается. А его дружки ржут в голосину.

Ох, не в тот трактир я зашла...

— Куда? Моя сегодня, сделаю из тебя послушную девку, умелую, потом в борделе за мои науки тебе втридорога платить будут...

Это были его последние слова в этот день.

Он дёрнул меня к себе, намереваясь стиснуть и ощупать, но мой телохранитель виртуозно опрокинул стул рядом, отвлёк, и когда удерживающая хватка незнакомца ослабла, я вырвалась. Охальник, опомнившись, кинулся за мной, но врезался в невидимую стену, вскрикнул и упал навзничь. Меня никто не посмеет обвинить, потому что я была в этот момент уже в дверях.

Быстро, эффективно и, наверное, смертоносно. Очень надеюсь, что придурок оклемается и перестанет пить. Но это вряд ли.

— Спасибо! — раздражённо кидаю ЕМУ благодарность, не в силах пока справиться с дрожью во всём теле, а уж аритмия такая, что, кажется, подавлюсь сейчас собственным сердцем.

Отдышалась, только у порога салона женской одежды. На руке появились царапины, вспоминая чёрные «когти» придурка, захотелось с мылом отмыть и обеззаразить хоть бы спиртом. Но лучше не ходить по улице в приметном платье послушницы после инцидента.

Вошла в салон, попросила у женщин что-то, чтобы обработать царапины, и мне дали маленький отрезок хлопка с перекисью, особо не вдаваясь в детали приключений. Их задача — скорее переодеть меня в новый наряд и заняться следующей клиенткой, с какой уже начала работу другая модистка.

Через несколько минут я увидела в зеркале совершенно иное отражение. Теперь я знатная красивая женщина из старинного рода, попавшая в ужасные обстоятельства, и всё, что со мной случилось – на совести мужа. Но так как совести у него нет, в этом я уже убедилась, то действовать придётся хитрее. И прежде всего нужно создать вокруг себя какую-то «повестку», чтобы люди начали следить за моей жизнью. Не все, но какие-то заинтересованные, близкие или друзья, ведь

должны же быть у Анастасии какие-то подружки кроме Елены. Я намерена их навестить, и чем быстрее, тем лучше.

Простилась с модистками, забрала старое платье в коробке из-под новой шляпки и покинула салон, ощущая, как мир вдруг изменился по отношению ко мне.

Я больше не нищенка в сером платье, я – леди. А ведь всего-то, сменила наряд.

Медленно иду в сторону своего дома, словно провожу время в беззаботной прогулке по столичному проспекту, разглядывая витрины, людей, экипажи. Как на экскурсии в какое-то совершенно иное государство, где время остановилось настолько, что и автомобилей нет. Мне сейчас интересно всё, но на самом деле, пытаюсь испытать на себе один психологический эффект контекста.

Включаюсь в среду, представляю себя настоящей Анастасией и ничего такого, за что можно было бы зацепиться и размотать клубок нужных воспоминаний не случилось, не встретилось и не произошло.

Только общие моменты, например, что напротив дома есть более приличный ресторан с огромными витринами, через которые можно посмотреть на окна трёхэтажного «особняка Сергея Гринёва».

Отца Анастасии уже давно нет, но дом продолжает носить его фамилию. Невзирая на то, что теперь его хозяином мнит себя её муж Андрей Антонович Левин, что б ему пусто было...

Ловлю себя на мысли и одёргиваю, я опять разделяю её и себя. А это очень опасно в моей ситуации.

Теперь твержу себе, что я и есть Настя, и что этот особняк – мой, и эта жизнь моя, и мир теперь тоже мой.

А вот и дом, и напротив действительно, есть милый ресторанчик, с большими кашпо, в которых буйным цветом радуют глаз петунии. Тяжёлые, шикарные двери передо мной учтиво отворил солидный швейцар. Поздоровался, наверное, видел меня раньше. Но спрашивать о себе постороннего человека не вижу смысла – это очень глупо и опрометчиво. Надо вспомнить близких и надёжных знакомых, но пока не одной зацепки...

Ресторан выглядит весьма недурно, нужно было о нём вспомнить раньше и не соваться в трактир, перетерпела бы голод и не попала бы в неприятности.

Здесь и публика более респектабельная, безопасно, но я всё равно нарушаю некоторые правила. Дама не может одна посещать подобные заведения, сопровождение в виде компаньонки или мужчины – обязательное условие. Нет, конечно, никто не попросит меня на выход, но любопытные взгляды я на себе ловить буду. Уже ловлю.

Хотя может быть, это всего лишь эффект от потрясающего голубого наряда и изысканной шляпки, скрывающей ужасную причёску. Возможно, и так.

— Госпожа одна? Простите, ради бога, мой неловкий вопрос, я лишь хотел вас разместить с удобствами, — молодой

человек, учтиво поклонился и рукой указал мне на вход в уютный зал, приглашая войти.

— Да, одна, возможно, придёт подруга, но это не точно, столик, если можно у окна.

— Конечно, сейчас всё сделаем.

Столик в полупустом ресторане нашёлся быстро, маленький, круглый и у окна, всё, как я и хотела. За такими принято не обедать, а пить кофе или дегустировать десерты, можно разговаривать о жизни, было бы с кем, и наблюдать за прохожими. «Немое кино», своеобразное развлечение скучающей публики.

Надеюсь, что меня кто-то узнает из посетителей, поздоровается, и тогда сработает очередной триггер и я, наконец, начну вспоминать круг знакомых Насти.

Увы, многие смотрят с интересом, но никто не признал и не поздоровался. Видимо, она сюда очень редко заходила.

И триггер сработал...

Не просто редко, а никогда.

В восемь лет девочка попала в закрытый пансион, считай тот же монастырь, но вместо молитв бесконечная зубрёжка иностранных языков, обучение игре на рояле, светским танцам для того, чтобы не ударить лицом в грязь на бесконечных балах, куда стремятся попасть все дебютантки. Изысканное рукоделие: фриволите, вышивка, акварель.

Никаких системных знаний, только то, что позволит юной барышне удачно выйти замуж.

Анастасия вышла замуж крайне неудачно за разорившегося дворянина, без особого рода деятельности, но безумно красивого, с точки зрения девичьей эстетики.

Их познакомила одноклассница Елена, представив молодого человека своим троюродным братом. И как же она «радовалась», что наконец, мы станем настоящими сёстрами...

А настоящим сёстрам положено жить в одном доме.

Глупенькая, наивная Настенька получила в одночасье двух бесстыжих пиявок, а потом и первые звоночки: баснословные счета за наряды от «сестры», романтические вечера втроём и невозможность выставить никого из членов новой семьи из-за брачного контракта, какой она собственно-ручно, одурманенная любовью и подписала, передав бразды правления мужу.

Апогеем «родственных» отношений стал пошлый адюльтер в кабинете Андрея, какой, скорей всего и не скрывался, чтобы окончательно добить расшатанную постоянными скандалами психику Насти.

Глядя на «свой» дом, нервно теребя дрожащими пальцами салфетку на столе, я вдруг вспомнила все пакостные шаги по доведению несчастной, молодой женщины, до состояния близкого к помешательству.

Им это удалось, надо признать, что Елена обладает недужим талантом к психологии, как любая аферистка, она беспроегрышно чувствует жертву и умело выбирает способы манипуляции, какие будут иметь самый острый результат.

Мне подали красивую чашечку с ароматным кофе, и даже взбитая пеночка имеется, потому и долго, что всё ручками делается без капучинаторов и без кофемашин. Из десертов выбрала нежный бисквит, напоминающий торт сметанник, мой любимый в нашем мире.

Пока я отвлеклась на официанта, к дому подъехал экипаж, и из него выпорхнула восхитительная «сестра» Елена. За ней служанка с несколькими картонками и бумажными пакетами.

Не только у меня сегодня день шопинга.

Эта падлюка тратит мои деньги, упиваясь победой. Она получила всё: любовника, дом в центре столицы и доступ к моим счетам через Андрея, а у того, как у бешеного пса на неё слюна течёт каждый раз. Омерзительные оба.

Смотрю на неё и ощущаю такую физическую ненависть, что если бы взглядом можно было убить...

Но я ещё живая и на свободе, значит, она ещё не победила.

Гениальная стерва шла к своей цели несколько лет, не сдавалась, планомерно, методично обрабатывала наивную Настю и, наконец, избавилась от неё на вполне законных основаниях. Никто в обществе, наверняка и не догадывается, что мы ни разу не сёстры.

— Браво, Елена! Снимаю перед тобой шляпу, второй такой стервы днём с огнём не сыскать. Но у меня для тебя есть весьма неприятный сюрприз.

Шепчу, глядя, как «победительница», широко улыбаясь,

отдаёт распоряжение кучеру и лакею, смеётся, глядя в окно кабинета Андрея, и машет ему рукой...

— Сделай хоть что-то, не могу видеть её счастливую физиономию, — не заметила и сказала вслух приказ и в этот момент, подписала с НИМ контракт, первая просьба на пакость, мы стали окончательно неразлучны. Мой призренный компаньон немедленно испортил настроение Елене, нагнав на неё и служанку большую стаю прожорливых голубей. Уж не знаю, как он это сделал, но птицы, как в фильмах ужасов налетели на женщин, видимо, оставили на платьях пятна. А некоторые, весьма находчивые птахи уселись на модную широкополую шляпу Елены и начали что-то клевать.

Мой бисквит! ОН забрал мой бисквит, протащил его через приоткрытое окно или вентиляцию, мгновенно искрошил и осыпал мою врагиню, заставляя голодных птиц полакомиться десертом.

Воистину, это был самый удачный тортик за всю мою жизнь.

Кто-то заметил конфуз, и в ресторане начались сдержанные смешки, маленькая победа взбодрила лучше, чем кофе, и я поняла, как дальше действовать.

Глава 9. Я могла бы в него влюбиться, но мы бесим друг друга

Радость от маленькой победы внезапно сменилась приступом паники, в тот самый момент, когда ОН вернулся, отодвинул стул и присел напротив, словно забылся и посчитал себя живым, материальным, имеющим право на все блага реальной жизни, в том числе сидеть в кафе и любоваться тем шоу, что сейчас разворачивается за окном. А там визги, крики и рассыпанные коробки, упавшая шляпка и истерика Елены. Настоящее комедийное кино, исключительно забавное зрелище, если знать, что происходит и кто наказан.

Но меня больше интересует ОН.

Лишь немного постаралась сфокусировать зрение и теперь вижу его более чётко, почти так же ясно, как и живых людей вокруг. В такого мужчину я, наверное, смогла бы влюбиться. Потеряла бы сначала голову, а потом получила бы разбитое сердце, ибо женская мудрость гласит: «Для настоящего счастья, нужен обычный, среднестатистический мужчина, а не одна из двух крайностей, слащавый красавчик или брутальный мужлан!».

У меня именно две крайности слащавый муж, и вот ЭТО... Непонятно что, призрачное, и опасное. Не стесняясь, рассматриваю своего визави, он из тех, кто мог бы играть

главные роли в боевиках, уж точно не в романтических комедиях.

Внушительное «тело» какое родилось крепким и после долгие годы оттачивалось в тренажёрном зале до идеальных форм. Но это мои фантазии, он, к счастью, не голый, а в типичном похоронном костюме, скрывающем тело и, возможно, татуировки. У него совершенно точно есть татухи, как древние письмена, из которых можно было бы узнать чуть больше из его настоящего прошлого, но я не рискну попросить его оголиться.

Сейчас передо мной для изучения только «лицо», уверенного в себе до апломба и высокомерия brutального мачо. При этом не отличающееся особой красотой, она для такого типажа была бы скорее изъяном, нежели украшением.

Массивный подбородок с глубокой ямочкой, впалые щёки с небольшой щетиной, видать перед смертью не успел побриться, или в принципе не особо уделял время и внимание своей внешности, но это не единственная его говорящая примета.

Довольно крупный с горбинкой нос, наверное, когда-то был сломан при жизни. Что и говорить, он не из тех, кто берёт свой «фейс». Густые брови хмуро сходятся над пустотой. Там, где должны быть глаза, — лишь тёмные провалы. Глаза пустые, но эмоции застыли в посмертной ухмылке — не доброй, не шутливой, а холодной и всезнающей. Один уголок рта приподнят неестественно высоко, словно невидимая

нить тянет его вверх, напоминая о лицевом параличе или вечной насмешке над всем живым. Что и говорить, не самый приятный тип, из тех всезнаек, кто родился разочарованным в жизни. Таким же и умер.

А теперь призрачный незнакомец получил от меня «контракт», отчего у меня холод в животе, и лёгкая тошнота, не могу себя заставить отхлебнуть кофе.

Мы сидим напротив друг друга и изучаем. Возможно, что он сейчас получил возможность лучше «видеть» и чувствовать.

Нет, пожалуй, я не смогла бы в него влюбиться, значит, нас связывала какая-то другая тайна, может быть, он и правда стал причиной моей преждевременной гибели в том мире?

Стоило подумать о гибели, и призрак словно поделился со мной каким-то глубинным экзистенциальным чувством, пришедшим на смену естественному инстинктивному страху смерти. Не успеваю вычленить это новое чувство, не успеваю его рассмотреть, запомнить и добавить в копилку.

ЕГО «суть» коснулась меня снова, и ничего ужасного не произошло, но теперь я скорее стесняюсь нашей тотальной связи. Я мышка в его руках, и он может играть мной по своему усмотрению. От такой привязанности теперь не избавиться. Вот что меня напугало больше всего.

Даже смерть не разлучит нас...

— Как тебя зовут?

— Точно не помню, Григорий, Георгий, Гордей, Давид крутится что-то, но точно не могу вспомнить, имя вообще неважно, того человека больше нет, — ответил спокойно и даже пренебрежительно, словно говорим о каком-то старом знакомом, о ком давно не было вестей. Никаких пугающих интонаций в его голосе, словно живой, расслабленный и ему вообще всё пофиг...

— И зачем ты меня так усердно подставлял? — признать-ся, ответ мне и самой очевиден, но хотелось бы услышать версию из первых уст.

— Хотел, чтобы ты, наконец, осознала, почувствовала моё присутствие, приняла как данность и отпустила.

— Я тебя не держу...

— Увы, да. Я сей факт уже осознал на собственной шкуре. Мы с тобой связаны, я бы и сам тебя бросил, здесь есть чем заняться, уж поверь. И я даже делал такие попытки, покидал тебя на какое-то время, изучал этот занятный мир, но стоило ненадолго отрешиться от данности, как я постоянно оказывался рядом с тобой. Не думал, что монашки обойдутся с тобой настолько сурово, здесь моей вины нет...

— Ну да, конечно, наставница чуть сердечный приступ не получила от твоих выходов, думала, что я одержимая бесами...

— Я же говорю, пытался освободиться от тебя, но возвращался.

— Значит, всё же какая-то вина есть, ты не сдержался и

психанул. Неконтролируемая агрессия – плохой помощник в адаптации...

— Не умничай! Признаю, был момент слабости, мне в монастырских стенах невыносимо тяжело, прости, подставил, каюсь. Потому, надеюсь, что мы быстренько разберёмся с твоими делами и я смогу исчезнуть. У меня к тебе нет никаких сентиментальных чувств, только раздражение, бесишь...

Вот он меня удивил так удивил, я его бешу?

Сiju, слушаю его голос, ставший теперь вполне сносным, не вызывающим головную боль. И понимаю, что он во мне не вообще не заинтересован, как мне показалось, но нас что-то реально связывает. Проклятье, смерть или какие-то давно забытые отношения из другого мира, что он от меня и хотел бы, но не отстанет, и сам не знает, как эту связь прервать, или делает вид, что не дорожит этой связью.

— Не нравлюсь? А я так наоборот, начала привыкать к твоей странной компании вот даже твой голос теперь не выжимает сок из моего многострадального мозга.

— Я – мертвяк, а ты живчик, повезло, у нас в принципе не может быть ничего общего, девочка.

Тут он прав, и не поспоришь.

Пока я в задумчивости отвернулась, взглянуть в окно, чем закончилась атака голубей на Лену, к столику подбежал официант и попытался задвинуть стул, на котором сидит невидимый ему посетитель. Попытался и не смог, стул словно инсталляция, намертво прикрученная к полу, думаю, что по

спине удивлённого парня сейчас пробежал загробный холодок, такой же, как и у меня в первый раз, когда я осознанно вышла на контакт с Григорием.

Пришлось поспешно встать и выйти, уводя за собой, как оказалось, вполне материального призрака. Никогда бы не подумала, что он имеет вес.

На выходе из ресторана возник новый вопрос, куда податься?

Сейчас возвращаться домой рано, у Елены истерика из-за испорченного наряда, шляпки и первая фаза зарождения орнитофобии.

Если зайду сейчас, то немедленно последует острый конфликт, Гриша не сдержится и уколошит моих противников. Во мне всё ещё кипит ненависть, а он её чувствует звериным чутьём.

— Наверное, мне лучше поискать квартиру и какое-то время пожить там...

— И что тебе это даст? Что изменится? Они продолжают тратить твои деньги, жить в своё удовольствие, а ты хочешь жить как мышь, прячась в подворотнях...

Мы идём по довольно широкому проспекту и говорим только в те моменты, когда рядом никого нет. Сейчас вопрос встал очень остро, он сказал то, о чём я сама уже не единожды успела подумать. Затягивать конфликт нельзя, но и с наскока тоже эту проблему не решить. А компромисса я не вижу.

Прежде всего не знаю всех деталей брачного контракта. Второе, не знаю, прав мужа на меня. Что если этот мир насквозь патриархальный. Почему «что, если», когда оно так и есть.

Пришлось остановиться напротив книжной лавки и сделать вид, что рассматриваю витрину с новинками.

— Допустим, я вернусь и что? Как нам бороться с ними? Таких людей ничего не остановило, они столкнули Настю с лестницы.

Я снова его раздражаю, а он в отместку «ущипнул» меня слабым энергетическим разрядом за щёку, прям дрессирует, как собачку.

— Прежде всего, они тебя столкнули с лестницы, ты теперь Настя, запомни, наконец своё новое имя. Второе, у тебя теперь есть я. И даже если бы хотел, то всё равно не могу отойти, даже в монастыре, мне было очень тяжело, но я остался и терпел. Но сейчас всё иначе.

Мне пришлось подождать, пока прохожие пройдут мимо, и за это время подумать над его словами, какие, надеюсь, слышу только я.

Он прав во всём. Но и рецепта для действий не предложил.

И всё же я решила, что нужно снять номер в гостинице с ванной, привести себя в идеальный порядок, а потом, как ни в чём не бывало вернуться домой. Или есть ещё более крутой способ, вспомнить хоть каких-то знакомых Насти и

пригласить их на ужин от своего лица, они придут, к удивлению Андрея и Елены, и вот она я, вернусь, с таким видом, словно отлучалась на несколько минут. Представляю их физиономии.

Улыбаюсь от предвкушения, и только хотела высказать вслух новый план, как за моей спиной раздался довольно громкий, удивлённый голос:

— Анастасия Сергеевна, вот так встреча. А я только что от Андрея Антоновича, и он сокрушался о вашем здоровье, сказал, что вынужден был поместить вас в клинику для душевнобольных! Так это был розыгрыш? Разве такими вещами шутят?

Глава 10. Внезапное возвращение

От неожиданности я вздрогнула и слишком резко обернулась. С непривычки к очень пышной многослойной одежде, чуть было не оступилась и не упала на мостовую. Незнакомец вежливо подхватил меня под руку и очень внимательно посмотрел, пытаясь понять, не нуждаюсь ли я в основательной помощи лекаря, или это нелепая случайность, коей грешат милые барышни в присутствии привлекательных мужчин, а он себя таковым и считает.

— Что с вами, Анастасия Сергеевна, Вам плохо?

Я собрала всю свою волю, память и знания литературы XIX века, чтобы отвечать соответственно этикету, как мне показалось, именно так и должна говорить молодая дама с приятелем своего мужа:

— Нет, всё замечательно, благодарю за крепость руки вашей. Ах! Платье с новым фасоном, у него очень плотная ткань и слишком зауженная юбка, я ещё не приноровилась к поворотам в нём. Ко всему, знаете ли, нужно привыкнуть. А так мои дела вполне сносны, благодарю за беспокойство...

Дружелюбно улыбаюсь и всё пытаюсь вспомнить, как же его имя. Витает только что-то на тему его червового интереса к «моей сестре», но она, по понятным причинам, отказывает ему, строя из себя недотрогу. Вот и сейчас он явно зашёл повидать Елену, а она в расстроенных чувствах из-за нашей

шалости с голубями отказала в свидании.

— И всё же, не побоюсь быть навязчивым, но вы одна, едва держитесь на ногах, и ваш муж...

Мужчина так и стоит рядом, не отпускает меня, боясь, что я продолжу заваливаться, свободной рукой поправляю юбку, встаю ровнее и со счастливой улыбкой на лице начинаю безбоянно врать, изображая радость от скорой встречи с любимыми.

— Меня выпустили, это было небольшое обследование, я себя очень дурно почувствовала, но врачи за неделю наблюдений убедились в моём абсолютном здоровье. Вот даже документы вернули и выписку, я очень хотела сделать сюрприз родным. Будьте любезны, проводите меня до кондитерской на углу, купим пирожных, и я приглашаю вас на семейное чаепитие. Но если, конечно, вы никуда не спешите.

От такого приглашения он ни за что не откажется. Это даже лучше, чем тот план с гостями, какой я только что придумала, глядя на книги в витрине. Кстати, о книгах, моё внимание одна из них привлекла: «Основы познания души. Логическое осмысление духовного начала личности». Пафосное название, свойственное первым изданиям, в этом мире психология ещё в зачаточном состоянии. Очень хочется прочитать сей опус, и я решаюсь на небольшую авантюру, понимая, что незнакомец готов на всё, лишь бы я взяла его с собой на чай по случаю моего триумфального возвращения.

— Я польщён. Но уместно ли?

— Уместно, уместно. Не скромничайте, мне кажется, что вам симпатична Елена, а мой муж возомнил себя строгим наставником и никого к ней не подпускает. Но ей пора вить своё гнездо, и стать счастливой. Если будете настойчивым, то непременно завоюете её сердце. А пока, с вашего позволения, я зайду в книжную лавку за книгой, а вы купите букет. Встречаемся в кондитерской, если вам будет угодно, сопровождать меня, милостивый сударь.

Он вспыхнул довольной улыбкой:

— Конечно, конечно, я премного рад вашей благосклонности. Надо же, как удачно я вас встретил!

— Вот и хорошо, поспешите, розы лучше красные и не более пяти.

— Благодарю вас за совет. Сейчас куплю. Надо же...

Кажется, он не поверил своему счастью, что приобрёл в моём лице советчика, компаньона и сторонницу его романтического увлечения. Забыв обо всём, окрылённый мечтами о неприступной пассии, помчался за цветами, а я вошла в лавку и попросила книгу по психологии. Продавец прокомментировал мой выбор типично, с нотками пренебрежительного сарказма:

— Только девицы и покупают эту книгу, а потом возвращают, и вы вернёте, лучше купить новенький роман о любви молодой монашки к раненому офицеру, поверьте, там вы найдёте всё, что ваша душа желает...

— Благодарю вас за совет, но я делаю выбор осознанно.

— Это научный труд, скучный и малопонятный. Тайнственных рецептов, как заполучить мужа и положение в обществе в этих страницах нет.

— Вы очень проницательны, но мне и нужен именно этот учебник, я немного осведомлена о науке о душе. Посему не намерена променять монографию на пошленький романчик, тем более о монашке, это крайняя степень пошлости, уж простите, — меня действительно разозлило всё, и про монашку, и про намёк на женскую глупость и одноклеточность, словно общество само не сделало нас такими для собственного удобства, пролистываю книгу и понимаю, что этот трактат как раз то, что мне нужно. Есть с чем поспорить, и о чём подумать, чтобы не отупеть от рюшек, шляпок и прочих женских штучек.

Протягиваю продавцу деньги и прячу книгу в картонку из-под шляпки, где притаились все мои монашеские вещи.

Теперь пора купить пирожные.

Не успеваю проститься с продавцом, как в сознании зазвучал голос Григория, пришлось ускориться и сбежать, чтобы во время переговоров с невидимкой меня не приняли за душевнобольную.

«Его зовут Илья Ильич Трынов, довольно скучный, небогатый, и влюблён в Елену, как пёс в период гона. Она его ради забавы как-то подразнила откровенностью, и тем лишила покоя, но, скорее всего, она практикуют какую-то магическую технику, и на несчастном Илье поставила один из сво-

их глупых экспериментов, так что дело оказалось не таким простым, как казалось. Не только аферы, но и магическое подчинение, она начинающая ведьма».

— Ты времени зря не терял. Надо же, но у меня было подобное предположение, однако не могу припомнить за ней какую-то реальную силу. Привороты не так сильны, как кажется, и действуют на обе стороны. Посмотрим, главное ты не переметнись на её сторону, — ворчу себе под нос и неспешно иду в сторону кондитерской. Восторженный Илья Ильич уже там и, судя по всему, успел купить целую коробку десертов.

Дело принимает новый оборот, на кону не только моё спасение, но и тех, кого Елена «поработила». Неприятная мысль царапнула мой разум: что, если, Андрей тоже её жертва, да это даже к бабке ходить не надо, так и есть. В любом случае я останусь его женой, учитывая бэкграунд наших отношений, прощения ему всё равно нет и не будет.

Он соучастник авантюр Елены, и никакого снисхождения не заслуживает.

— Я взял на себя смелость, и сам выбрал десерты, ох, руки заняты, но мне будет приятно и спокойнее, если вы возьмёте меня под руку, и я проведу вас до крыльца.

— Конечно, — беру его под руку, и мы чинно идём по проспекту в сторону моего дома.

Не-е-е-е-т! Не дома, это всё что угодно, но не дом. Арена гладиаторских боёв, гадючник, серпентарий, магическая

мастерская начинающей ведьмы, логово брачных аферистов и продолжать можно долго. С каждым шагом в моём новом теле усиливается то самое неприятное состояние, какое в нашем мире принято называть панической атакой.

В ушах появился неприятный звон, пред глазами звёздочки, сердце мечется по телу, не зная, куда спрятаться и забиться. И только разум чувствует ту самую поддержку Григория, от которой веет вечным ледяным покоем. Уж не знаю, какую он практику ко мне применил, но моя горячность начала остывать, затихать, и в тот момент, когда Илья Ильич несколько раз ударил кованым кольцом по металлической пластине на двери, я окончательно пришла в себя.

К бою готова...

— О мой бог! Госпожа! Анастасия Сергеевна! О боже! Как же это входите скорее, как же мы о вас переживали! — завопила горничная на весь дом, одна из тех, кого нанимала Елена. Радуетса она, как же! Это боевой клич, оповещающий о моём возвращении...

Глава 11. Тренинг лояльности

Когда «заботливый» муж увозил меня из этого дома в монастырь, сознание было затуманено головной болью, но, как ни странно, устройство особняка помню. Мои всего три комнаты расположены на втором этаже. Комнаты Елены почему-то рядом, но в другой стороне от парадной лестницы, а ведь рядом должны быть личные покои и кабинет мужа. Но Андрей занимает третий этаж полностью. Слуги размещены в правом крыле первого этажа, там же и кухня, а по левую – гостиная, музыкальная и приёмная для праздников. Со стороны кухни есть ещё одна чёрная лестница для прислуги и на случай пожарной опасности. Типичный, столичный столетний особняк конца восемнадцатого века.

Прислуга отреагировала мгновенно, услышав вопли служанки, побросали дела и вышли поглазеть на явление госпожи из преисподней. Так и стоят в широком дверном проёме, рассматривая нас и не шевелясь.

Только Прошка – молодой слуга сообразил, что надо бы предупредить господ, о невероятной новости.

Это всё очень плохой знак.

На меня смотрят как на нечто такое, чему уже давно здесь не место. Даже поздоровались как следует только двое. Остальные либо ещё не оправились от шока, либо предвкушают новые стычки и проблемы между хозяевами. Потому

как увозили меня ослабленную, замученную и под действием успокоительных капель, привкус и запах которых я теперь на дух не переношу.

И самое удивительное для всех, что вернулась я вполне себе прилично выглядящая, да не одна, а с кавалером, цветами и в дорогом, модном наряде, каком и придирчивая Елена Осиповна Пенкина позавидует.

Но в этом доме хозяйка Я!

Ни на секунду не смутившись, отдаю приказ:

— Накройте сейчас же стол к чаю, позовите моего мужа и Елену Осиповну, вот эти пирожные подать.

— Но Елена Осиповна себя плохо чувствует. Ей нездоровится, она вряд ли...

Та самая служанка, какая тоже недавно подверглась нападению птиц, попыталась вступить за свою госпожу и проговорила таким тоном, каким не смеет говорить с госпожой-хозяйкой. Уж она вообще всё знает, все планы и тайны Елены, потому и больше всех удивлена, да и гонор свой не убавила. Тем подписала себе скорейшее увольнение.

Прямо сейчас я провожу тренинг персонала на лояльность руководству.

И его все провалили!

Чудесно, в ближайшие дни мне придётся полностью сменить слуг. Не думаю, что муж и Елена просто так позволят провести ротацию, но я собираюсь быть настойчивой, прямо как сейчас.

— В таком случае вы можете ей передать приятную новость, что я лишу её комнат в этом доме и она знает за что. Исполняйте немедленно.

Ничего не понимающий Илья Ильич подал коробку с пирожными служанке, отвечающей за гостиную и столовую. И посмотрел на меня, ожидая дальнейших распоряжений или сюрпризов. А они не заставили себя ждать.

Чуть не бегом по ступеням спустился Андрей, и вид у несчастного, убитого горем мужа сейчас полностью соответствует ситуации. Правда, повод совершенно другой, не тот, на какой он рассчитывал. Так и стоит на ступенях второго пролёта, наклонившись и удивлённо рассматривая меня сверху.

— Анастасия! Но как? — прохрипел, запыхавшийся, но успел взять себя в руки при коллеге, и растянул своё лицо в гримасе радости, на добрую, искреннюю улыбку искривлённый рот слабо похож. — Я так волновался...

— Да, дорогой, я тоже волновалась о том, что ты волнуешься, меня обследовали и пришли к выводу, что я полностью здорова, единственное, нужно будет посещать врача, следить за самочувствием и всё. Правда, здорово? Я так хотела сделать вам с Еленой сюрприз, потому приехала без предупреждения, встретила и Илью Ильича и решила устроить приятный, маленький праздник. Ждём вас с Леночкой в гостиной, поспешите! Но нет, всё это позже, ведь я так скучала, любимый, подойди, обними меня скорее...

Протягиваю к нему руки и так сладенько улыбаюсь, как улыбается акула, заприметив лёгкую добычу в открытом океане.

Муж, глядя то на меня, то на Илью Ильича, спустился и несколько, жеманно прихватив меня за предплечья, сделал слащавое: чмок, чмок, чмок, как обычно целуются, малознакомые люди на Пасху.

— Дорогой, я не заразная, требую настоящий поцелуй, как от нежно любящего мужа, ведь ты меня нежно любишь и из-за большой любви, ища помощи и поддержки отвёз в монастырь, ведь так?

Театрально смотрю в его глаза, словно нас снимает крупным планом оператор, а я не могу наглядеться на своего любимого после долгой, невыносимой разлуки.

И каждая моя выходка начинает выбивать почву реальности из-под ног Андрея. А при коллеге он не смеет сказать ничего злого или грубого, хотя ему очень хочется взреветь: «Какого чёрта происходит!».

Эти слова бегущей строкой светятся в его удивлённом взгляде.

И вот он, тот самый момент, Елена в МОЁМ шикарном, шёлковом, струящемся по телу халате замерла наверху между вторым и первым этажами. Залитая солнечным светом от высокого окна. С замысловатой укладкой и длинным мундштуком, от которого веет едва заметный дымок. Прекрасная гадина, а ведь Настя ей несколько раз говорила не курить в

доме. И этот момент я тоже возьму на заметку, но позже. Сейчас я отыграюсь за каждую минуту, проведённую в каменной келье.

— Ах, Леночка, посмотри, кого я привела. Илья Ильич купил розы для тебя, дорогая. Они такие, как ты любишь, помнишь, как ты принесла мне несколько недель назад букет? Вот точно такие же, они идеальные... — я вдруг вспомнила такой же странный букет, внезапно появившийся в моей комнате, не в моей, а Настиной, и показалось, что тот букет и стал отправной точкой последних событий. Елена поморщилась, глядя на розы, и не шелохнулась, а я продолжаю её заманивать. — Спустись скорее, поприветствуй меня, свою нежно любимую подругу и нашего гостя. А через несколько минут мы все пойдём пить чай, иди ко мне, дорогая...

Пауза затянулась, наша дива задумалась, судорожно ищет повод, как избежать всего, и чаепития, и цветов от навязчивого кавалера, и объятий со мной, потому что мы обе помним, как она рычала мне в лицо слова ненависти, а потом точно так же, как сейчас, стояла и смотрела, как Настя скатывается со ступенек, не здесь, но этажом выше. Она преступница, и мы обе это знаем...

— Я в домашнем, не пристало в таком виде встречать гостей, спущусь через несколько минут, — процедила сквозь зубы и поспешно скрылась, сбегая к себе на второй этаж.

— Дорогая, не бегай по ступеням в этом длинном халате, иначе оступишься и упадёшь! — кричу ей вслед очередную

колкость.

Первый раунд за мной. Внезапность, некоторая доля наглости и отбитое чувство самосохранения, вырванное с корнем из моей расшатанной психики, ошарашили и выбили почву из-под ног у моих врагов.

Вообще, будь то самое чувство самосохранения у Лены чуть более развито, то она прямо сейчас должна собрать чемоданы и смыться из моего дома. Но она всё ещё надеется на победу и считает меня слабой соперницей, несчастной дурочкой, которой немного подфартило, сбежать из монастыря.

Она всё ещё надеется исправить эту досадную оплошность и потому через несколько минут спустилась в гостиную с видом величайшего одолжения, осчастливила наше общество своим присутствием. Насчёт меня она погорячилась, а Илья Ильич и впрямь засиял.

— Какая вы очаровательная пара! — прижимаю кулачки к груди, и с придыханием произношу фразу, от которой у Леночки начал дёргаться глаз. Ей пришлось принять цветы, и протянуть руку влюблённому Трынову для поцелуя.

Нам подали чай и двенадцать пирожных на широкой белоснежной тарелке. Служанка терпеливо ждала, пока кто-то первый сделает выбор, но никто ничего не сказал, и ей пришлось разложить четыре одинаковых пирожных на изящные десертные тарелочки.

Андрей сверлит меня взглядом, Илья Ильич пожирает

взглядом Елену, не в силах отвлечься хоть на секунду, у него совершенно точно какое-то магическое воздействие. А Елена смотрит сквозь нас всех на розы, что теперь стоят на белом фортепьяно у стены, они её пугают.

Служанка поклонилась и вышла, оставив нас одних.

Замешательство продлилось недолго. По правилам этикета, сейчас персона номер один не я, а господин Трынов, и расспрашивать меня о злключениях не этично, это глубоко личное.

Об этом золотом правиле знают многие, но, видимо, не мой муж.

— Дорогая, меня беспокоит твоё возвращение, они не смели тебя выпускать. Что всё это значит?

Я удивлённо посмотрела на Илью Ильича и пожала плечами.

— Приехал весьма сведущий человек, провёл осмотр, и не один раз. Потом провели тесты, и он объявил, что моё душевное состояние внушает оптимизм. И семейная обстановка пойдёт на пользу. Так и сказал, представляешь.

— Кто этот человек? Где его заключение? — желваки мужа выдали сдержанную злость, он сидит напротив, сжав кулаки, ещё немного и в приступе ярости стукнет ими по столу, заставив посуду подпрыгнуть. Не меня надо лечить, ох не меня. Классический пример фрустрации с агрессивным проявлением.

— Инквизитор...

В столовой воцарилась давящая тишина, они все готовы были услышать любую ложь, но упоминание самого страшного человека в государстве подействовало так, как и должно подействовать – убийственно.

Дорогие друзья, не забывайте добавлять книгу в библиотеку. И напомним про лайки, которые очень помогают книге стать заметнее, а я чувствую вашу поддержку

Глава 12. Последнее предупреждение

— Боже мой! Вы сейчас говорите о таких вещах, простите не вещах, а на такие темы, какие у меня в голове не укладываются, инквизитор? Вы меня разыгрываете, право слово, так не шутят, — первым взмолился Илья Ильич, не совсем понимая, о чём в принципе идёт речь, и посчитал наш разговор розыгрышем.

Андрей опомнился, осознал, что за столом есть посторонний, и не решился продолжать неприятную и опасную тему.

— Можно и так сказать, мой друг. Что-то вроде невинного розыгрыша, но устроила его моя прелестная жена. И я рад, что она теперь в отличном здравии, и способна шутить. Ну какой инквизитор, право слово. Мы все знаем, что прежний ушёл в отставку, а новому не до ведьм, и не до одержимых. Пока принимает пост, он не занимается обыденными делами. Дорогая, больше так не шути, ты напугала Илью Ильича.

Улыбаюсь и маленькой ложечкой отламываю кусочек мягчайшего бисквита.

— Да, не буду шутить, вы правы. Но не стоит так пугаться, это в любом случае был бы формальный осмотр. Для подтверждения моего вменяемого душевного здоровья. Моему мужу показалось, что я одержимая, представляете, кому ска-

зять, так не поверят. Вот и монахини не поверили и посчитали, что вы, дорогие мои, избавились от меня, чтобы заполучить моё наследство. Но я сказала игуменье, что вы меня любите всей душой и сердцем, и просто проявили чуть больше ненужной заботы, чем требовалось. Не так ли...

Елена поморщилась, звонко швырнула ложечку на блюдо и встала из-за стола, шумно отодвинув стул. Мужчины не успели за ней поухаживать, а Илья Ильич и вовсе потерялся. Он не идиот, наши шпильки начали долетать и до него.

— Я не могу слушать её бред. Простите, голова болит, пойду прилягу. Илья Ильич, благодарю вас за пирожные и цветы. Но как видите, в нашем доме сейчас разворачивается неприятная история, буду с вами честна, не могу ответить на ваши чувства, ибо на мне, как на самом близком человеке лежит груз ответственности за сестру...

Боже мой, какой трагизм в её голосе. А какой взгляд она бросила на меня, какой взгляд. Эта женщина должна блистать на сцене, но предпочла стать авантюристкой. Вывернула моё «состояние» себе на пользу, чтобы мягко отодвинуть роковой шаг Трынова, но и не прогнать бедолагу от себя. Елена, видите ли, полностью посвятила себя во благо мне, горемычной.

Браво!

— Милая, мы были подругами в пансионе, но никогда сёстрами. Пожалуйста, не строй из себя всепрощающую жертвенность. Тебе эта роль не к лицу. Мы с моим мужем

сами разберёмся со всеми проблемами, в том числе и моим здоровьем. А тебе пора подумать о своём положении в обществе, здоровье и новом месте жительстве, твои женские часики тикают, пора задуматься о личном счастье, посему ты должна съехать немедленно! Это как вырвать больной зуб, сразу и навсегда...

Мой ультиматум чуть более грубо прозвучал, чем должно, в этой ситуации.

Я на краю, и следующий шаг, грозит проигрышем в этом непростом раунде.

Бедный Илья, наша перепалка сводит его с ума. Но предложить свою квартиру Елене он не решился, сидит, крутит головой и кажется, готов сбежать, чтобы окончательно не втянуться в отвратительный скандал. Но поздно, он уже втянут чувствами к красивой, порочной женщине, и я должна открыть ему глаза, а заодно и получить в его лице свидетеля непростых отношений. На тот случай, если со мной снова что-то случится.

— Дорогая, Елена никуда не уедет, ты прекрасно понимаешь почему, — Андрей постарался добавить каплю снисходительности в свой голос.

— Конечно, понимаю, я имела несчастье лично увидеть причину. Отчего моё душевное здоровье слегка покачнулось, и вы этим воспользовались, чтобы сослать меня. Это мой дом, дорогой. И мне решать, кто в нём будет жить! — я начала резко, но опомнилась, улыбнулась и смягчила тон,

взглянув на Илью Ильича. — Так бывает, дружба вдруг погибает от вероломства, и начинается противостояние. Мы были лучшими подругами, и теперь, чтобы окончательно не разрушить оставшуюся терпимость, нам нужно расстаться и немедленно, дорогая...

— Она никуда не уйдёт! Это приказ, и прекрати свои глупые выходки, — муж повторил значительно резче, покраснел и еле сдерживается, чтобы не сказать лишнего. Но за него прекрасно говорит его напряжённый вид, лимбическая система активизировалась, и надпочечники уже вовсю жарят его адреналином, струны рвутся одна за одной, и скоро он покажет себя во всей красе.

Елена победно хмыкнула, гордо подняла голову и удалилась к себе, шурша шёлковым нарядом в стиле раннего арнуво, с заниженной талией, длинным струящимся шлейфом и широким вырезом, оголяющим одно плечо. Специально так оделась, чтобы подразнить Илью Ильича. Молодец, ей всегда нужно иметь запасного любовника, на случай провала с моим мужем.

Но самое удивительное в этой женщине, что за всю перепалку на её лице ни один мускул не дрогнул. В отличие от Андрея, Елена Прекрасная спокойна как настоящая психопатка, её на эмоции и чувства раскачать невозможно, как невозможно одним пинком свалить столетний дуб. Расчётливая, холодная и мстительная. Пока обычный человек переживает бурю эмоций, она успевает продумать план мести.

Итак, наступило время последних слов, и я решаюсь обнажить неприглядную правду:

— Мне жаль, что вы не понимаете, насколько всё изменилось. Илья Ильич, я благодарна вам, за то, что вы были свидетелем непростого возвращения в мой собственный дом, и сами увидели, насколько мне здесь не рады. Но что поделать, игуменья сказала на прощание, что я должна усерднее молиться и не предавать истину, даже если это становится опасно. А истина такова, Илья Ильич, Елена вас недостойна. Я лишь хотела, чтобы вы излечились от своей порочной страсти к этой женщине.

— Замолчи! — прошипел покрасневший Андрей, а я лишь улыбнулась.

Вызов брошен.

— А я уже всё сказала. Поэтому всё просто, либо она уходит одна сейчас же. Либо ты уходишь вместе с ней, по тем причинам, какие выводят меня из состояния равновесия! Вы методично довели меня до пограничного состояния, и то, что сделала Елена – непростительно.

Держу спину прямо и удивляюсь сама себе, потому что тоже не ощущаю в себе эмоционального фейерверка, словно перед спаррингом выпила адреноблокаторы или тоже стала психопаткой, с кем поведёшься...

— Анастасия, ты перешла все границы дозволенного. Я прикажу запереть тебя в комнате, как это было до поездки, — Андрей вдруг сумел взять себя в руки, на лице перестали

играть желваки и в голосе появились заботливые интонации. Сокрушаясь, он предпочёл быстрее избавиться от ненужного свидетеля. — Илья Ильич, прошу меня извинить, но вам лучше уйти. Вы видите, она нездорова и бредит. Сейчас пошлю за лекарем. А потом придётся проехать в монастырь и лично узнать, что там произошло, почему больную женщину выпустили...

— Может быть, меня выпустили потому, что я не больная? И не сама скатилась с лестницы? Такой вариант тебе, дорогой, не приходил в голову? — они не оставили мне выбора, но я воздержалась от намёка на адюльтер — это слишком даже для меня и настолько пошло, что язык не повернётся назвать «вещи своими именами».

— Я об этом молюсь каждую минуту. О твоём здоровье, но ты сама себе вредишь, эти навязчивые мысли как плесень проросли и опутали твой разум. Ты оступилась...

— Вот и прекрасно, убери Елену, и все поводы для моего якобы расстройства исчезнут, как и исчезнут страхи жить в одном доме с опасной женщиной. Но как же странно, что ты не делаешь этого, неужели она тебе настолько дорога, что ты готов потерять всё? Чего я ещё не знаю о вас?

Илья Ильич, как самый неповоротливый сом, всё никак не мог проглотить наживку. Я ему уже прямым текстом...

И вот, наконец, свершилось:

— Андрей Антонович, это выходит за рамки моего понимания. Не могу понять почему, но я вдруг поверил вашей

несчастной жене. Всё это низко, прощайте. Анастасия Сергеевна, примите мои искренние соболезнования, но я был слеп. Если с вами что-то случится, то я обязательно дам знать полиции об этом уродливом фарсе, свидетелем которого я стал, к своему прискорбию. Уж простите, если госпожа, действительно упала, что бы ни послужило причиной падения, то не в монастырь же отвозить страдальцу, все мы знаем, что это значит. Поистине чудовищный поступок. Прощайте.

— Благодарю вас, вы всё поняли так, как нужно. Забудьте эту женщину, найдите себе порядочную тихоню, которая будет вас обожать, и живите счастливо.

Он наклонился и поцеловал мою руку, а потом крепко пожал, давая понять, что выбор для себя сделал. Ну хоть у кого-то здравомыслие победило.

Стоило двери закрыться за Трыновым, Андрей побагровел, со всей силы стукнул кулаками по столу, так что чай расплескался по белоснежной скатерти.

— Ты меня опозорила перед товарищем по службе. Если это пятно ляжет на мою репутацию и получу нравственный выговор и не получу повышение, а он всё для этого сделает, то тебе не поздоровится...

— Если умный, то да, сделает. А ты думал, что можно спать с этой гадиной, и не ответить за это? Нет, дорогой мой, за всё наступает расплата. Я ведь тебе давала шанс, думала, что она тебя околдовала, да-да, она настоящая ведьма. Но

нет, ты осознанно встал на этот путь. Ты не часть её плана. Ты сам аферист. Но поверь, теперь я стала сильнее, и ты не сможешь ничего с этим поделать.

На его красивом, породистом лице засияла улыбка.

— Я уже всё сделал. Я твой муж. Считай, что хозяин твоей жизни. И раз ты всё знаешь, то скрываться мы уже и не обязаны. Теперь ты живёшь приживалкой при нас, как невменяемая, бывают же периоды нормальности у сумасшедших? Немного времени, и ты снова скатишься в горячку. Лучше бы ты осталась в монастыре, молилась и жила тихо и долго.

— Ты мне угрожаешь?

— Я тебя предупреждаю.

— Попытка засчитана, но увы, вам, я не сумасшедшая...

— Все сумасшедшие так говорят, дорогая! Вспомни свою бытность в пансионе, и всё встанет на свои места, без Елены ты и недели не проживёшь в здравомыслии. Так что лучше пойдёшь и извинишься перед ней!

Глава 13. Поспешии...

Маски сброшены, я получила то, что и так имела сполна: угрозу от мужа и твёрдое убеждение, что они осознанно встали на этот пагубный путь и не свернут с него. А Елена в силу своих особенностей, всегда будет на шаг впереди, у неё нет эмоций, нет чувств, она компенсирует недостаток адреналина остротой событий и испытывает наслаждение, причиняя боль. И наверное, испытывает наслаждение от порочного секса. Этим и берёт мужчин.

Да, в нашем доме совершенно точно есть изощрённая психопатка, но это не я.

Все пирожные остались нетронутыми, мне нужно немного поднять уровень сахара в крови, этот разговор очень дорого обошёлся.

Оставшись одна, достала из шляпной картонки книгу, налила остывший чай в белоснежную чашку и начала читать одну из первых глав монографии по психологии, заедая небольшими кусочками волшебного бисквита с перетёртыми орехами, привкусом мёда и нежнейшим кремом, напоминающим йогуртовый. Вот оно – углеводное счастье, постепенно серотонин и дофамин делают своё дело, моя душа сейчас испытывает самое доступное удовольствие, которое сразу же начало меркнуть от содержания монографии.

С первых строк меня слегка перекосило от негодования.

Автор заявляет, что наука о душе – лженаука, и не что иное, как попытка человека – существа, в большей мере дикого и необузданного в своих поступках, мыслях и желаниях, оспорить божественное таинство души, опошлить его через осквернение анализом и...

Вот такой дури на целую страницу.

Автор смешал божественное и физиологию, психиатрию, да вообще все естественно-научные знания в несъедобный винегрет.

Закралась мысль, что это не простое предисловие, а способ успокоить противников и того же инквизитора запутать, например.

Но нет, это реальные убеждения автора.

Вот сейчас в моей душе появилось настоящее раздражение, перелистываю страницы книги, хочу увидеть спойлеры. И они есть.

«Душа человека – тончайшая божественная организация, которая неподвластна желаниям субъекта, и воздействиям на его тело при условии, что сам человек усердно защищает свою душу от низости бесовской. Но если несчастный или несчастная совершает грехопадение, вот тогда и начинаются все душевные страдания...».

— Прав, тут и не поспоришь. Но только если опустить раздел той же психосоматики, гормональные патологии и многое-многое другое, что выпало за рамки местного понимания лженауки о душе. Ибо божественное не изучается, оно

есть данность. Продавец был прав, бесполезную книгу можно сдавать обратно, — шепчу комментарий, а мои пальцы скользят по строкам, как будто это шрифт Брайля, а я хочу прочувствовать тактильно суть текста. На ощупь он тоже никакой, плоский и однобокий...

— Ну почему же бесполезную, ты заочно познакомилась с новым инквизитором. Это его опус. Открой вторую страницу книги и прочитай данные об авторе. Он написал сей труд год назад, а теперь на его основании получил долгожданную должность. Советую книженцию проштудировать, врага нужно знать от корки до корки...

В моей голове мелодично, но довольно густо, по-мужски прозвучал голос Григория. Я про него и забыла в пылу ссоры. Думала, что он опять сделал попытку отлучиться и изучать диковинный мир. Но всё самое интересное происходит в этих стенах, и он наше шоу не пропустил.

Однако его слова испугали гораздо больше, чем психопатия Елены и угрозы мужа. Открываю страницу и читаю данные об авторе: граф Даниил Романович Аракчеев.

— Граф? А разве инквизитор — это не церковная должность? И с чего ты взял, что он мой враг? Мы даже не знакомы...

— Инквизитор — это неофициальное название его должности, на самом деле он какой-то тайный советник. И глядя на тебя, смею предположить, что ты не оставишь свой род деятельности и начнёшь рано или поздно продвигать про-

грессивные взгляды на человеческое поведение, ведь так? А он встанет на твоём пути как огромная каменная плита. Тут и провидцем быть не нужно. Достаточно было понаблюдать твоё отчаянное противостояние с Еленой и Андреем, ты бо-ец, а посему от врагов у тебя отбоя не будет, это я тебе га-рантирую...

Закатываю глаза и отправляю в рот очередной кусок потрясающего бисквита, предполагая, что Григорий тоже помнит, как это приятно иногда предаваться развратному греху обжорства, наслаждаться нежным, приятным, сладким вкусом десерта...

— Растолстеешь, подурнеешь, и люди оправдают измену твоего мужа...

— Ты противный!

— Я знаю, а ещё честный, справедливый и красивый.

— И немного мёртвый!

— Самую малость. Пока ты со мной разговариваешь, я — живой! Но суть не в том, у нас прямо сейчас есть весьма важное дело, прячь книгу и пойдём, я кое-что обнаружил...

Понимая, что ставки поднялись неимоверно, а Гриша не из тех, кто будет шутить серьёзными вещами. Мгновенно прячу книгу в коробку из-под шляпки, саму шляпку приходится наспех надеть на голову, чтобы не занимать руки и идти за моим невидимым компаньоном, но не на главную лестницу, а на узкую, через которую поднимаются на верхние этажи слуги. Но для этого мне пришлось буквально на цыпочках прокрасться мимо прикрытой двери первого этажа, ведущей к главному выходу из особняка и на парадную лестницу.

А всё потому, что в парадном прямо сейчас разыгрывается очередная интерлюдия с заламыванием рук, всхлипыванием и трагическими фразами, достойными драматической

постановки. Но я даже не удивилась, долго же Елена его держит за пуговичку, умелая манипуляторша.

Прислушиваюсь.

— Илья Ильич, мои слова должны вас убедить, неужели вы так быстро готовы отбросить свои чувства ко мне, и встать на сторону несчастной, душевнобольной женщины? Вы мне очень симпатичны, и я этого не скрываю. Но сейчас не могу оставить брата в такой ужасной ситуации. Никакого покушения не было, я повторяю это как молитву в сотый раз, это всё буйная фантазия Анастасии. Сейчас она производит впечатление нормальной, но потом... Ах, если бы вы знали, сколько раз она была готова наложить на себя руки. Без меня ей не выжить.

В ответ молчание, её притягательность уже сработала, если она его коснулась, если умело выдавила слезу, и её припухшие губы дрожат, то он сдастся. Однако продержался чуть дольше. Давно бы сбежал, но послушно стоит и внемлет, не зная, что ответить.

— Дорогой мой, ну, хотите, мы с вами сходим в театр и ресторан, раз эта ненормальная распускает о нас с Андреем такие пакостные слухи, то мне непременно нужно развеять их. И вы станете моим рыцарем, спасителем запятнанной репутации. Умоляю вас о помощи, тем более, она не отяготит вас, мы лишь приятно проведём время на людях. И я люблю балет, за его негу и откровенность. Так что скажете? — она пропела этот монолог максимально возбуждающем тембром,

как нимфа «ОнлиФанс».

— Всего лишь проведём время? Но я к вам с самыми серьёзными намерениями, и ваш брат постоянно мне отказывал. Не слова Анастасии подействовали на меня, они лишь легли на благодатную почву сомнений. Вы должны понимать, что я не из тех, кто ломится в закрытые двери. И «лишь» меня не вдохновляет, действительно, если у вас нет планов на мой счёт, кроме как спасти свою репутацию, то увы, я предпочитаю страдать некоторое время, но не так долго, как бы вам хотелось. На примете есть ещё более сговорчивые невесты на выданье. Прощайте и пощадите мои чувства...

Слышу, что он, наконец, сделал несколько шагов к двери, очень хотелось послушать, что же Елена ему скажет, а она сейчас на всё готова, чтобы получить с ним выходы в свет, буквально на всё. Но увы, Гриша прошептал, что нам нужно поспешить иначе будет поздно, пришлось чуть не бегом подняться на второй этаж, войти за ним в маленькую женскую библиотеку, и он тут же указал на нужную книгу, слегка выдвинув её из общего ряда.

— Поспеш! Вот здесь, быстрее же...

Мне пришлось кинуть на пол круглый короб, и выхватить самую неприметную книгу, пролистать и ошалеть от находки.

«Приглашение на летний благотворительный БАЛ» на моё имя и моего мужа, дата отправки почти месяц

назад, если не ошибаюсь в местном календаре. Елена даже не упоминается...

— Вот он триггер недавних событий, забирай и поспеши в свою комнату, там всё расскажу...

Дважды меня просить не надо. Возвращаю книгу на место, хватаю вещи, и бегом в свои комнаты. Чувствую, что сейчас многое мне откроется совсем в ином свете.

Глава 14. Репейная колючка

До моих комнат всего несколько шагов, и я слышу, как каблучки Елены выстукивают монотонный, неторопливый ритм по мраморным ступеням, ещё секунда и мы с ней столкнёмся и наверняка сцепимся. Она именно этого и добивается, выдать себя за жертву сумасшедшей. Будет провоцировать любой конфликт, даже самый пустяковый.

Не предоставляю ей лёгкого шанса обыграть меня. Жаль, не знаю, уломала она Илью Ильича на свидание или нет.

Да уже всё равно...

Лучше бы он забрал её к себе.

Забегаю в свою комнату и запираю дверь, не думаю, что это спасёт, если Андрей решит меня снова скрутить в бараний рог, но фору даст, повернула ключ ребром и оставила в замке, теперь с той стороны им не открыть.

В комнате царит идеальный порядок, какой бывает после тотального обыска. Перевернули всё вверх дном, выпотрошили все шкафы, бюро, и остальную мебель, почему-то я уловила след недавних событий. Теперь всё вылизано, как в гостиничном номере, не хватает только лебедей из полотенец.

Не дожидаясь пояснений Григория, вынимаю из красивого конверта Пригласительный билет, за который нужно будет внести десять рублей, какие пойдут на благотворитель-

ные цели фонда помощи сироткам. Я, кстати, заочно состою в попечительском совете. И если я не запуталась с датами на газетах, что сегодня видела в салоне, то событие состоится буквально завтра. Я обязана попасть на этот бал во что бы то ни стало.

Вот он, тот самый искомый круг общения, способный меня поддержать, но лишь при верной подаче моей непростой ситуации, скорее всего по городу уже расплзлись ужасающие сплетни о моём душевном состоянии.

— Рассказывай!

— Елена перехватила приглашение, её переклинило, замкнуло, она спрятала конверт от Андрея и начала экспансию, на которую давно решалась, но боялась. Доморошенная магия, эротический спектакль с изменой, и, в конце концов, тот самый отчаянный удар, после которого Настя покатилась с лестницы, дальше ты уже всё знаешь...

— Триггер. Видимо, она не настолько знатная, чтобы получать подобные приглашения, это обычная ревность, но прости, перебила, продолжай.

— Да, всё так. Ревность к твоему положению в обществе, ведь ты из боярского рода, этот бал сделал бы Настю заметной фигурой в обществе, Андрей после фееричного выхода в высший свет, выбрал бы жену и Елене пришлось бы убраться восвояси...

Вот это он меня удивил.

— Боярыня? Надо же. Не думала о себе в таком ключе. Но

тогда совсем удивительно, они решили избавиться от слишком знатной женщины и возомнили, что им за это никакого возмездия от общества не прилетит? — пока мы рассуждаем, я сняла шляпку и обошла свои владения из трёх комнат и просторного будуара с ванной.

Богатые помещения действительно говорят о моей знатности, что ещё более удивительно, ведь я не какая-то там репейная колючка, от которой можно запросто избавиться. Нет, я боярская дочь, и, видимо, у меня не только этот дом в наследстве, но и что-то ещё более весомое и значимое, производство, акции, что-то явно имеется.

— О таких мелочах они не думают. У Андрея Антоновича довольно перспективный пост в министерстве земских управлений. Посчитал, что должность компенсирует не слишком породистое происхождение. А Елена решила, что избавиться от соперницы несложно, если всё подать под правильным соусом, и устроила показательное выступление. Почти сработало, Анастасия слишком эмоциональная, легко поддающаяся внушению личность. Достаточно было показать ей порочные, грязные отношения, и нервный срыв не заставил себя ждать. Плюс какие-то псевдомистические инсинуации, какие, впрочем, возымели действие.

Меня эти тонкости в «портрете» нашей подозреваемой весьма удивили. Нейронные связи у неё шуршат как надо, и скорость реакций — завидная. Это заметно даже в том, как она обработала Илью Ильича.

— Хм, значит, наша Леночка тоже умеет прыгать по льдинам и ловить момент, причём виртуозно. Вот сейчас обработала Илью Ильича, он всё равно сдался, не устоял перед её чарами и сейчас же поедет в театр, купит билеты на балет. Она ещё опаснее, чем казалось.

— Да, скорее всего. Но главного, ты ещё не знаешь...

Я уже отвлеклась от разговора, снова увидев себя в овальном зеркале, слишком уставший вид, тусклые волосы после грубого хозяйственного мыла, торчащие как антенны ломкие волосинки и локоны, выбившиеся из незамысловатой причёски.

В сравнении с Еленой Прекрасной я – бледная, всего лишь миловидная моль. Ещё и измученная заточением.

Пора наводить лоск, но как набрать ванну с тёплой водой, если ни одна из служанок мне не подчиняется? Есть о чём подумать и без загадок Григория, но меня несколько рассердила театральная затянутая пауза.

— И? Мы не в вечернем шоу, чтобы нагонять трепет на участников, затягивая момент. Будь добр, говори всё, что знаешь, и посоветуй, как приструнить хоть кого-то из прислуги. Мне срочно нужно привести себя в порядок.

— Есть более действенный план, как выселить твою навязчивую компаньонку. Давай предположим, что Елена искала в твоей комнате нечто очень ценное, например, бланк от банка, в котором указаны номер и кодовое слово от ячейки сейфа. Там явно есть чем поживиться. Анастасия унесла

этот секрет с собой в мир иной или Елена нашла данные, но не знает, как подступиться, чтобы не вызвать подозрение у банкиров. Её расчёт был на недоступные счета Насти, и, судя по всему, она не поделилась этим секретом с Андреем.

— Подожди, она всё это затеяла, чтобы обокрасть подругу, и даже не поделилась информацией с любовником? Откуда ты вообще знаешь?

Григорий, видимо, забыв, что он призрак и усталость ему в принципе несвойственна, вдруг эксцентрично залез в пустую ванну, улёгся, вытянув скрещенные ноги на бортик, и продолжил вещать свой хитроумный план развода аферистов:

— Она давно была вхожа в твой дом. Здесь и без магии и экстрасенсорики понятно, что всё пропитано денежным интересом. Тебе нужно только намекнуть, что ты всё забыла, но был какой-то ценный документ, теперь бесследно пропавший. Смекаешь?

Я замерла перед зеркалом, но смотрю не на своё отражение, а сквозь, замечая тёмную фигуру, странно, что Гриша отражается.

Не сразу поняла, на что он намекал, а потом, как поняла...

— Ты предлагаешь блеф? Даже если никакого счёта не существовало?

— Это не блеф, но ты должна сама в этот факт поверить для убедительности! Для мужа ты в любом случае более предпочтительная женщина, от Елены он получает толь-

ко похотливые ласки и то, в те моменты, когда она позволяет. Но ты ведь не пресная наивная Настенька, ты тоже умеешь манипулировать мужчинами, не так ли? Сделай из него послушного щенка, переиграй стерву на её же поле.

— Фу, ты предлагаешь мне сойтись с человеком, отправившим меня же в монастырь, объявившим сумасшедшей? Не говоря о его похотливости, — вспыхиваю раздражением, потому что лютую антипатию к Андрею не смогу перебороть, даже если потеряю память, меня всё равно будет от него подташнивать, а в таком состоянии играть симпатию не смогу, я не такая хорошая актриса, как Лена.

— Другого пути нет, и я считал тебя профессионалом. Это запутанное дело, и нам нужно его распутать, ничего личного, воспринимай это рабочим моментом и будет легче. А сейчас возьми приглашение, и как ни в чём не бывало, отнеси в кабинет к мужу, покажи и напомним, насколько для вас и для его пошатнувшейся карьеры важен этот выход в свет. И намекни, что только с тобой он сможет получить повышение, а Елена утянет его на дно. Тебе и не нужно симпатизировать и притворяться. Заключай с ним сделку, в это он поверит. Не мне тебя учить...

Закатываю глаза и делаю губами «французский пф-ф», такой милый, жеманный, и не из моего ассортимента, кажется, я только что машинально позволила телу выдать реакцию, свойственную Настеньке, решила непременно использовать эту ужимку в разговоре с мужем. Действительно, ничего лич-

ного, просто нужно вбить между ним и Еленой колышек, а потом уже действовать по обстоятельствам.

Поправляю причёску, припудриваю тёмные круги под глазами и решаюсь на очередную авантюру.

— Иду только потому, что ты рядом. Настоящий серый кардинал.

— Да, всё так, но иного пути выжить у тебя нет. А я пока посмотрю, какие из служанок недолюбливают Елену.

Глава 15. Воровка?

Прекрасно понимаю, что методы Григория действенные, он бы мог уничтожить моих врагов, но в тот же момент истлела бы моя хрупкая репутация. Даже если сплетни и слухи ещё не просочились в общество, то всё равно наша местечковая война быстро вскроется, у меня слишком много мотивов желать Андрею и Елене смерти, как бы ужасно это не звучало.

Ещё ужаснее чувствовать себя в опасности в своём же доме. Дверь заперла на ключ, выдохнула и уверенным шагом пошла в кабинет Андрея на третьем этаже. Надеюсь, что не застану там очередные оргии.

Деликатно постучала в дверь.

— Андрей Антонович, у меня к вам дело экстренной важности, вы свободны?

Послышался неприятный шорох, стук захлопнувшейся дверцы, и через несколько секунд он повернул ключ в замке. Открыл и не впустил, так и стоит в дверном проёме, слегка всклокоченный, дёрганный и злой. Но хотя бы штаны на месте и рубашка застёгнута, видимо, один.

— Что тебе? — ни единого намёка на этикет, на правила культурного общения всё это осталось в прошлом, секретов и желания понравиться друг другу нет. Смотрю на него и улавливаю едва заметное амбре крепкого напитка, решил

сосуды расширить.

Ох, как хочется развернуться и уйти, сказав какую-нибудь колкость, но я помню цель этого визита, и мелочи меня не волнуют.

— Ты знаешь, почему Елена...

— О, боги! Не начинай. Я уже ловлю себя на мысли, что ненавижу вас обеих. Иди к себе, запишись и не выходи, ужин тебе подадут.

Ох, как хотелось сказать, что это взаимно, но держусь и продолжаю давить свою линию, коря себя, что вступление надо было продумать лучше:

— Благодарю за заботу, но дела действительно важные. Она тебя использует и делает пакости, причём такие, после которых ты не оправишься.

— Настя, умоляю, пока я держу себя в руках, иди к себе...

Он уже готов вытолкнуть меня, и захлопнуть дверь перед носом. Но я поднимаю руку с приглашением на бал во дворец, и чуть не в его физиономию пихаю, используя последний шанс заинтересовать его.

— Что это?

— Это то, из-за чего Елена устроила скандал, а ты как наивный глупец попался. Это приглашение на наши имена в царский дворец на благотворительный бал. Мы часть светского общества, а она нет. Понимаешь? Она спрятала это приглашение и задрала перед тобой юбку, зная наверняка, что я войду и застану вас. Только не подумай, что я пытаюсь

тебя простить, оправдать или молить о чём-то. Нет. Я лишь хочу, чтобы ты вернулся в зону адекватности. Нам крайне необходимо пойти на этот бал. Там будут министры, управляющие департаментами, знать, среди которой тебе нужно время от времени появляться. И мне нужно появиться среди почтенной публики и смыть со своей репутации те позорные ярлыки, что вы с Еленой на меня навешали.

До него, наконец-то дошла суть моего эмоционального монолога, взял приглашение и вчитался.

— Но откуда оно у тебя?

— Мы были подругами, я знаю, куда она могла спрятать свои секреты. Так мы идём на бал? В таком случае у меня есть всего день, чтобы собраться? Если ты решишь не ходить, и теперь уже окончательно скатиться на дно, не смею тебя удерживать. Сожалею лишь, что не смогу пойти одна.

Говорю максимально спокойно, словно и не было между нами всего того ужаса, что я пережила по его вине, и жду его решения с видом совершеннейшей безмятежности.

— Мы обязаны пойти. Я ждал это приглашение, но его не было, другие коллеги получили, а я уже думал, что это катастрофа и меня за какие-то грехи выгонят с должности.

Благосклонно, понимающе улыбаюсь:

— Пусть оно останется у тебя, я завтра попытаюсь собраться наилучшим образом, и, вот ещё. Пока меня не было, в комнатах кто-то всё обыскал. Настолько дотошно, что даже шкаф сдвинули с места. Это твой приказ?

Как он на меня посмотрел... Замер, слегка склонив голову набок, и приподнял бровь, новый виток разговора сбил Андрея с толку и заинтересовал.

Вот он тот самый пронзительный, острый взгляд, когда человек проглотил наживку и осталось лишь правильно, тонко, без лишних движений подсесть.

— С чего бы?

И я подсекаю...

— Она осмелилась обыскать мои вещи, желая найти кодовое слово от сейфа.

— Какого сейфа?

— Теперь уже не важно, после падения я многое забыла, в том числе и нужные цифры. А сейчас мой тайник пуст. Елена скоро попытается сбежать с моими фамильными драгоценностями. Не думаю, что ей удастся обмануть банкиров, без моей подписи и личного заявления...

Мои рассуждения снова грубо прерваны:

— Настя, ты снова за старое? Фантазируешь? Твои драгоценности в моём сейфе, вот здесь в кабинете, — его вновь настигло раздражение.

— Я завтра должна их надеть, могу взглянуть на комплект? Это же браслет, кольцо, серьги и два кольца. И кажется ещё что, миниатюрное, бриллиант на цепочке? Это мои личные украшения, неужели ты думал, что у боярского рода так скудно с драгоценностями? Нет, конечно, в сейфе банка должен быть ещё комплект с диадемой, подвески, броши, фа-

мильное наследие. Послезавтра проеду и поговорю с клерком, скажу о пропаже документа. Это решаемая проблема...

Беззастенчиво вру, потому как понятия не имею, какие именно драгоценности хранятся в сейфе и есть ли на самом деле этот сейф. Но он попался...

Улавливаю его шокированное душевное состояние, никто и никогда не откажется от мысли, что у кого-то из родственников есть внушительный клад, счёт, или ювелирные украшения, какие можно получить в наследство, забрать, присвоить и жить счастливо, безбедно, с лёгкостью, свойственной самым богатым аристократам.

Мы всегда охотно верим в то, во что хотим верить. И муж тоже поверил.

Вижу, как в его сознании сейчас происходит тектонический сдвиг. Пытается прикинуть, во сколько можно оценить тот клад, какой мы только что придумали с Гришей. Но вида не показал, сделал пару шагов назад, потом не спеша повернулся и прошёл вглубь тёмного кабинета, где в большом дубовом шкафу притаился тот самый немецкий сейф с двойной защитой, в каком ещё отец Насти хранил ценные бумаги и драгоценности жены.

Прохожу за мужем, оглядываюсь.

В кабинете всё хранит память прошлого хозяина, зелёные оттенки в драпировках, тяжёлый дубовый стол с резными ножками занимает добрую четверть кабинета, кресло величественное, напоминающее трон. Каждая деталь наполнена

смыслом и люстра, и письменные принадлежности, и книжные шкафы. А смысл прост – служение отечеству, семье и не пренебрегать всеми способами пополнять состояние рода. О чём красноречиво говорит портрет самого Сергея Михайловича Гринёва — в дорогом смокинге, с широкой, наградной лентой через грудь, дорогим перстнем с рубином на мизинце и таким строгим взглядом, что становится неудобно. Кажется, он по-прежнему присматривает за порядком в своём кабинете и очень недоволен тем, что сейчас творит новый хозяин.

А новый хозяин, не испытывая угрызений совести, пытается открыть старый, но надёжный сейф.

Несколько быстрых поворотов, цифровой код установлен, и ключ вставлен в скважину, три поворота и щелчок.

Я из-за спины мужа не вижу ни кода, ни ключа, но мне и не нужно. Гриша всё видит и запоминает. Думаю, что он и без ключа справится. Но не в том суть, мне важнее увидеть на месте ли драгоценности. Ведь это тоже отличный повод, чтобы скорее от меня избавиться.

Решимость, с какой Андрей открыл сейф, сняла с него подозрения, но он подался вперёд, рукой пошарил в тёмном чреве хранилища и с некоторым удивлением в голосе простонал:

— Пусто!

— В каком смысле пусто? Ты шутишь?

Он отстранился, давая мне возможность взглянуть на пач-

ку бумаг, папку, едва различимые в потёмках, но бархатных футляров нет.

— Она обворовала нас, а ты и рад, иди разбирайся со своей наглой любовницей, может быть, она взяла поносить их, посчитав, что я никогда не вернусь? Завтра драгоценности должны быть у меня, — произношу чётко в ультимативной форме и ухожу к себе, по дороге поймав первую попавшуюся горничную, приказала сделать мне тёплую ванную с душистой солью, и ужин подать в мои личные покои.

Никогда бы не подумала, что потерять драгоценности может быть так приятно.

Глава 16. Наживка

Я не знаю, что подействовало на горничную, моя уверенность или аура силы, какой меня наделил Гриша, сейчас я уже склонна верить во все проявления магии, — скепсис рассеялся окончательно. Так или иначе, но через час моя ванна оказалась полностью готовой, и я с великим удовольствием погрузилась в тёплую, расслабляющую воду с густой ароматной пеной. Буду отмокать в мыльной пене час, пока вода не остынет, а из меня не выветрится неприятный запах заточения.

Хотела почитать книгу инквизитора, но побоялась случайно испортить мокрыми пальцами, проявлю уважение к автору. Мне и без чтения есть, о чём основательно подумать.

Из-за толстых стен в доме я не услышала, о чём сейчас разговаривают Андрей и Елена. Однако, если Гриши рядом нет, значит, он там, наблюдает и потом расскажет всё в подробностях. Только так подумала, как вдруг получила обратное «сообщение», он не только за влюблённой парой приглядывает, есть дело гораздо важнее – мой ужин. Призрачному шпиону приходится следить за каждым движением кухарки, какую тоже наняла Елена.

Неприятная мысль, что в собственном доме таится смертельная опасность буквально на каждом шагу, и может произойти всё что угодно, включая яд, дрожью пробежала по

телу, я здесь в стане продуманного, подготовленного врага, и об этом нельзя забывать ни на секунду.

Какое счастье, что есть Гриша, я готова терпеть все его колкости и подначки за то, как он меня оберегает.

Выдыхаю тревогу и намыливаю голову мягким, лавандовым мылом и погружаюсь в свои размышления, теперь уже не с личной точки зрения, а исходя из остатков профессионального опыта Светланы. Негусто, видимо, душа не обладает достаточной ёмкостью, чтобы удерживать опыт и знания, накопленные при жизни. Но мне много и не нужно, я же не приём виду, умный вид не нужен, заумных фраз с напускным образом эксперта, чтобы произвести впечатление, произносить не нужно. Достаточно проанализировать всё, что сегодня произошло.

Этот бесконечный, тяжёлый день оказался для меня показательным. словно присутствовала на полях эксперимента и набрала столько полезной, любопытной информации, что хоть монографию пиши. Ведь очень редко психологу удаётся стать реальным участником травмирующей ситуации, с которой потом нужно работать.

Про Елену Осиповну всё понятно и без глубокого анализа. Она имеет психопатическое отклонение от нормы, и довольно значительное, и это не следствие психотравмирующих происшествий, хотя и такое тоже могло быть в её далёком детстве. Она генетически предрасположена к аномальным проявлениям своего характера, такой родилась. И един-

ственное, что на данный момент я должна сделать, кроме того, что выжить рядом с ней – это выяснить тайны её биологических родителей. Сдаётся мне, что там целый букет интересного.

Но самое интересное сейчас – каким это образом Елене удаётся так основательно держать Андрея за причинное место. Ведь он тоже не идиот, и должность не самая простая и какое-то положение в обществе имеет. Однако под воздействием хитрой, но недалёкой подружки готов из-за скандала лишиться всего. Да какой уж тут скандал, они на преступление пошли, а это черта, какую, если решились переступить, значит, тормозов более нет. Критическое мышление отключено. Помнится, Гриша сказал, что она доморощенная ведьма, и могла сделать приворот на мужа Насти. Вполне допускаю, потому что в этом мире вообще со всей этой ересью странности происходят, взять хотя бы того же Гришу...

Нет, Гриша плохой пример, я о его сути даже думать не получается, разум заходит в тупик и ломается. Общаться с ним могу, осознать его данность пока нет.

И снова возвращаюсь к анализу. Если с Еленой более или менее всё понятно, то мой новый муж совсем иной, подвижный, мечущийся. Подвержен страстям, неглуп, но по какой-то причине очень легко поддаётся манипуляциям своей подружки.

Пытаюсь подумать о нём иначе, как об объекте исследования.

Есть в его профайле одна «точка входа», с которой начинается его характеристика – красота. Андрей Антонович очень красив, но тем типом красоты, когда говорят, что от такого мужчины только девочек рожать. Не женственный, но чуть более слащавый, слишком модельная внешность, настолько, что невозможно описать его портрет, не используя слово «правильный», правильный нос, правильный рот, слишком приятная улыбка, прямой, идеальный нос – скульптурный образ без выраженной индивидуальности, вот только если его разозлить, то агрессивная мимика добавляет уникальности и делает его интересным. С точки зрения характера здесь тоже намечается клубок противоречий: эмоционален, привязчив, самовлюблённый, как все красивые люди, и у него есть навязчивая идея быть успешным, знатным и богатым, именно потому, что он искренне считает себя достойным этого. Собственно, он и достиг всего желаемого, лишь выбрав правильную невесту, боярышню Настасью. Но на фига было тащить в новый этап жизни порочную Елену? Зачем закладывать мину под свою вполне успешную жизнь, карьеру и репутацию?

Вот этот вопрос меня слегка озадачивает.

Или он «дурак клинический», или озабоченный кобель, у которого временами думает совершенно не та голова, или возвращаемся в исходную точку, какую зафиксировал Григорий – магическое воздействие.

— Боже, это какой-то бред. Я — психолог, и вдруг нахожу

объяснение нерациональным поступкам пациента в примитивной доморощенной магии. Реально бред.

Опускаюсь с головой под воду, на первый раз прополаскиваю мыльную пену с волос и вынырываю, заглаживая волосы назад, убираю лишнюю влагу с лица и открываю глаза. В тот же момент от испуга проскользила попой по скользкой ванной и снова ушла под воду.

Надо мной стоит муж с теми самыми бархатными футлярами, какие пропали из его сейфа.

— Вот твои драгоценности...

— Как ты вошёл? Дверь была закрыта.

— Хм, ты всё такая же глупышка. В дальней комнате этих покоев есть дверь для прислуги, мне пришлось пройти через неё. Елена поступила некрасиво, и я её отчитал, она не смела брать из сейфа драгоценности. Постарайся завтра не испортить вечер, спроси совет у Елены насчёт наряда, у неё утончённый вкус и тебе пойдёт на пользу...

Он ещё сохранил при себе иллюзию контроля над женщинами, и в тоне столько снисходительности, ну-ну...

— Поменяй кодовое число, если умеешь, иначе Елена так и продолжит пастись в нашем сейфе. И я не хочу с ней общаться после всего, что случилось. Сама в состоянии подобрать что-то из нарядов, если они ещё остались в моих шкафах. Но ты у неё не уточнил, не забирала ли она бумаги и бланки из банка, иначе зачем было подчищать всё до последней пылинки в моих комнатах? — подливаю маслица в

огонь, говоря максимально спокойно.

— Она сказала, что это очередной бред, никаких документов в комнатах не было. А идеальный порядок навели горничные после твоего отъезда. Послушай, я не желаю тебе зла, но мы оба помним разбитую вазу, лампу и стакан в монастыре. Горничным пришлось всё вычищать, чтобы не оставить осколки. Я понятия не имею, как ты это делаешь. Твоя нормальность сейчас только кажущаяся, стоит чему-то тебя разозлить, и ты возьмёшься за старое. Так что Елена в чём-то права, и факты остаются фактами, ты – одержимая. Прости за прямоту.

Я заметила эту фразу: «Прости за прямоту!», лишь намёк на то, что я сама причина всех неприятностей, и ему приходится защищаться. Просто ангел воплоти. Но с фактами не поспоришь, предметы летали и свидетелей тому полно. Гриша со своей импульсивностью изрядно подпортил мою репутацию. Сказать, что это меня прокляла Елена – глупость, а мне сейчас нельзя оступиться. Но немного скепсиса не помешает:

— Понятно, вымывали всё с особой тщательностью, как за покойницей, и проверка личных вещей всё же была, она не считает себя обязанной говорить тебе правду о своих находках. Но это уже не важно, я просто заеду в банк и уточню все детали, кстати, если не веришь мне про банковскую ячейку, то вот тот перстень с рубином, что на портрете отца, где он? Ты его видел, он лежал среди этих драгоценностей?

Нет, я бы помнила. Думаю, что его либо украла, сам знаешь, кто и спустила на страусиные перья, платья и прочую мишуру, или мне придётся всё выяснить у нотариуса, а тебе придётся сделать выбор между мной и ей, поверь, я не кусаю тех, кто не причиняет мне страдания, — снова ставлю «вешку», чтобы он, не переставая возвращался в мыслях к вопросу о каком-то счёте, на который имею право только я.

Андрей не показал своей заинтересованности, но я чувствую, как в нём нарастает навязчивое желание прибрать к рукам и фамильные драгоценности Гринёвых. Он уже поверил в их существование, и перстень отца стал настоящим якорем.

— Оставлю драгоценности здесь. Спокойной ночи, — положил футляры на туалетный столик, сохранив при этом спокойствие и полное безразличие к голой жене, лежащей перед ним в ванне, и как Венера, прикрытая лишь мыльной пеной.

Настя его совершенно не интересовала как женщина, даже намёка нет, что ему что-то в ней интересно. Абсолютная холодность.

Может быть, и к лучшему, зато честно, он никогда не любил свою жену и женился на её наследстве...

Тем проще будет распрощаться с ним.

— Спокойной ночи, дорогой.

Стоило ему выйти, и я пулей обмылась, вылезла из ванны, наспех вытерлась большим полотенцем и.

Накидываю на себя белый халат, на ноги мягкие носки, тапочки, на голове накрутила чалму из полотенца, и в гостиной послышался какой-то тихий шум. Про тайную деверь не то, что забыла, я о ней и не знала, мои покои – проходной двор.

Я опоздала закрыть дверь за мужем...

— Не паникуй, это служанка принесла ужин...

— Уфф, — выдыхаю, вовремя Гриша вернулся. — Ты всё слышал?

— Да, тебе удалось их заинтриговать, молодец. Но, думаю, счета в любом случае есть, необязательно с драгоценностями, но боярский род не может быть таким нищим. Всего три футляра с драгоценностями, небольшой счёт к какому есть доступ у мужа и этот дом. Достаток более чем скромный.

Я остановилась перед закрытой дверью в комнаты, а Гриша в этот момент потушил свет в ванной.

— И как мне искать?

— Как ты и сказала мужу, обратиться к нотариусу, посмотрим, что ещё можно спасти из твоего наследства. Будь я нечистью – то всё смог бы узнать по щелчку пальцев, к счастью или сожалению, я не обладаю такой властью, предупреждаю на тот случай, если ты решишь понадеяться на мою всесильную помощь. Нет, я не всесилен, и потому требую от тебя собранности и разумности, поняла?

Киваю, с некоторой долей разочарования: как жаль, что Гриша всего лишь призрак...

На самом деле, меня сейчас больше волнует бал, платье, причёска и прочие женские мелочи, потому что насколько я помню, у Насти был только один выход в свет, и тот в довольно узком кругу. А завтра я должна предстать перед всем высшим обществом и найти хоть каких-то старых знакомых отца, мне их поддержка жизненно необходима. Я боярская дочь, а это очень серьёзное положение в аристократическом обществе, какое даёт мне чуть больше прав, чем любой обычной женщине. Главное, этими правами грамотно воспользоваться, увереннее встать на ноги, найти покровителей и вот тогда расквитаться с мужем и его ошалелой от вседозволенности пассией.

Глава 17. Играю с огнём

Ночь прошла на удивление спокойно, в моём случае, это значит, что утром я проснулась живая. От Елены можно было всё что угодно ожидать, и подушку на лице, и удавку на шее. Почему-то я теперь абсолютно уверена в её устойчивом расстройстве личности, а попросту психопатии.

— Вот так допрыгаюсь, доведу её до состояния аффекта и будет мне потом жестокая ответка. Уф! — потягиваюсь в мягкой постели и понимаю, что день-то сегодня грозит мне новыми испытаниями. Причём такими, что в любой другой ситуации я бы ни за что не подписалась на торжественное мероприятие в царском дворце. Но выбора нет, хотела заявить о себе, самое время сделать это.

Промелькнуть на балу — единственный шанс не сгинуть где-то на Соловках. Однако понимаю, что срежусь мгновенно, я не знаю ни единого регламента или протокола, как смотреть, как делать книксен, как говорить, куда вставать и не дай бог танцевать.

Видимо, вчера из-за усталости я не совсем осознавала, на что добровольно подписываюсь и не подумала о заведомом провале.

Пришлось скорее вставать, вызвать горничную, и отдать распоряжения по завтраку, сборам и прочим важным мелочам. Женщина выслушала безропотно, молча поклонилась и

вышла исполнять, так даже лучше, без лишних вопросов и слов, всё как я люблю. Елена умеет муштровать прислугу, надо отдать должное её педантичности.

Кстати, о долгах...

Пока где-то там на кухне Григорий контролирует приготовление завтрака, я прошла в третью комнату своих просторных покоев и открыла все шкафы на ревизию.

Естественно, они полупустые, я даже не удивилась. Стерва забрала мои лучшие наряды, как это мелко, она ничем не брезгует.

Есть два варианта, как вывернуться в сложившейся ситуации: первый, пойти к Андрею и начать ныть, как поступила бы настоящая Настя, он из-за важности вечера спустился бы на наш этаж, попросил Елену выдать мне наряд на своё усмотрение, и это было бы самое ужасное платье из всех возможных. Я начала бы сопротивление, она получила бы лишний шанс обвинить меня в ненормальности, потом скандал, и отмена бального выхода, в итоге – Елена победит по всем пунктам.

Или второй сценарий: грабёж среди бела дня. Настроится на лёгкость детской шалости, действовать быстро, и не испытывать никаких сомнений и смущений, выбрать подходящую интонацию с нотками радости, мило улыбаться и не смотреть на Елену, чтобы не «зацепиться».

Главное оружие — неожиданность, секунду перед зеркалом улыбаюсь сама себе, делаю несколько глубоких, а по-

том поверхностных вдохов-выдохов, и понимаю, что готова немного поребачиться, такое непосредственное поведение всегда сбивает с толку, особенно психопатов.

— Вот сейчас чья-то психика окончательно съедет с катушек, — накинула свой домашний халат, собрала волосы в легкомысленный хвост и мысленно позвала Гришу, пора нам наведаться покои Елены и забрать у неё мои наряды.

— Дорогая, ты уже встала? — кричу через дверь в комнаты Елены и слышу какой-то шорох.

Неужели там сейчас спит Андрей? Хотя чему я удивляюсь, конечно, он провёл ночь с ней.

— Настя, уходи, я не хочу с тобой разговаривать! — слышался томный голос, эдакий менторский тон с нотками назидания, заведомо выигрышная позиция огорчённого родителя, начало положено, потом она отполирует наши непростые отношения несколькими ситуациями и будет требовать от меня извинений за неподобающее, расстраивающее поведение. Самый примитивный уровень манипуляций, на который меня невозможно подсадить.

— Взаимно, дорогая! Я тоже не хочу разговаривать, но Андрей Антонович посоветовал мне обратиться к тебе за советом относительно наряда на благотворительный бал в царском дворце сегодня вечером, о котором ты, должно быть, слышала. Мои наряды чудесным образом испарились из шкафов, так что без твоей помощи совершенно невозможно обойтись.

В этот момент Гриша смог повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь.

Андрея в комнате нет! Уже прогресс.

— Я ненадолго, раз уж мы одна семья и ты прошлась с инспекцией по всем моим комнатам, то не сочти за грубость, мне придётся сделать то же самое. О, нет-нет, сиди, пей утренний кофе, читай светскую хронику, я сама справлюсь...

И прохожу мимо «сестры», сидящей за небольшим столиком, ошалело следящей взглядом за моим внезапным проникновением в её сокровищницу, куда она как сорока тащит всё, что плохо лежит.

Впервые в жизни Елена потеряла дар речи – событие, достойное памятной записи в дневник, которого у меня нет и вряд ли будет.

Пока она не пришла в себя, я пробежала в такую же комнату со шкафами, как и в моих покоях, Гриша открыл всё разом, и я вдруг начала узнавать «свои» наряды.

— Леночка, это ужасно некрасиво брать чужое. Все эти платья мои. А вот этот наряд, ты, кажется, купила вчера, и деньги списаны с моего счёта, не так ли? Отличный выбор, у тебя действительно превосходный вкус. Именно в нём я пойду сегодня на бал. Андрюше, можешь сказать, что очень мне помогла с выбором. И я тебе благодарна...

— Ах, ты стерва! Как смеешь? Это моё платье, свои тряпки прошлого сезона можешь забрать, но это я заказала у мо-

дистки! — на её лице проступили красные пятна, на шее вздулась вена, как у разъярённого мужика, ещё немного и она накинется на меня.

— Не истери, дорогая. Мы же сёстры, забыла? Ты у меня одолжила дом, мужа, драгоценности. Не жадничай, надо делиться.

И не дожидаясь, пока она переварит мой бунт, выбегаю из её комнат.

Выходка почти удалась.

Знала ли я, что мне не сойдёт с рук подобная шалость?

Да, конечно. Скандалу быть!

Был-ли у меня вариант поступить иначе?

Нет, разве только идти на светский раут в том прогулочном платье, что я купила вчера. Да меня в таком виде и на порог дворца не допустят.

Но я умею блефовать, и порой на меня снисходит артистизм, вот примерно, как сейчас.

— Анастасия! Какого чёрта ты вытворяешь? — неожиданно на пути возник муж и так строго спросил, что настоящая Настя стушевалась бы, но не я.

— Ах, дорогой. Ты вчера посоветовал спросить совет у Елены. Осмотрела свои шкафы и ничего достойного не нашла. Пришлось обратиться за помощью к нашей добросердечной, отзывчивой подруге. Смотри, какая невероятная щедрость, Леночка отдала мне и мои же прошлогодние наряды, и свою восхитительную обновку, идеальное платье для

царского бала. Ох, что бы я без вас делала.

Моя тактика окончательно запутала «родственников» из ненормальной и одержимой истерички, я вдруг превратилась в слегка придурковатую стерву с прямолинейным характером. Да, потому что у меня отличные учителя...

Делаю шаг в сторону, обхожу мужа, не обращая внимание на его крайне удивлённый вид и на то, что Елена уже распахнула дверь и начала костерить меня не теми словами, какие обычно используют истинные леди.

Играю с огнём, и если бы не Гриша, то вряд ли бы я решилась на столь авантюрную вылазку.

У самого порога в свои покои замираю на секунду и слышу те самые слова, какие так хотела услышать:

— Андрей, ты не посмеешь! Ты не можешь пойти с ней на этот чёртов бал! Отмени всё сейчас же! Иначе...

Она позволила себе лишнее и тут же получила отпор от Андрея, какого не ожидала:

— Я ждал этого мероприятия очень долго, она моя жена, и мы пойдём на этот бал. Вчера я не высказал тебе никаких претензий, но эти выходки заставляют задуматься о здравии твоего рассудка. Ты себе слишком многое позволяешь, недозволительно много, скрыла от меня долгожданное приглашение, изъяла без разрешения украшения из сейфа, а это уже не шалость, а проступок, достойный расследования и наказания. Присвоила платья Насти, и, скорее всего, тот банковский документ с кодами тоже в данную минуту нахо-

дится у тебя, притом, что на мои вопросы ты бессовестно солгала и не моргнула глазом. Потрудись его отдать сейчас же, иначе мне придётся приказать обыскать весь дом, и не слугам, а с привлечением профессиональных сыщиков.

Она что-то ответила очень тихо, а мне пришлось спрятаться у себя.

Как сладок вкус победы.

Гриша тут же добавил ложку дёгтя:

— Елена тебя уничтожит, просто застрелит, а я от пули спасти вряд ли смогу. Она психопатка, и ты загнала её в угол.

— Будем надеяться, что она не догадается снова пойти на откровенное убийство. На самом деле я думала, что будет проще. Это всего лишь платя, а мне нужно вернуть всё и прежде всего репутацию.

— А мужа?

— Какого мужа? Вернуть Андрея? Ты шутишь? — я не успела разумом осознать его короткий вопрос, а в душе появился мгновенный негативный отклик, даже страх, что я перестараюсь и действительно добьюсь того, что муж возомнит себя невинным котиком, и потребует от меня исполнения супружеского долга со всеми вытекающими последствиями. И это сейчас не каламбур.

Он ведь только что прямым текстом сказал, что я его жена...

Такой побочный эффект мне не нужен, но, кажется, я его получу. В этом мире развод после венчания, кажется, невоз-

можен, что-то такое упоминалось в разговоре с настоятельницей Евдокией, и я не смогу Андрея ни выгнать, ни развестись. Настя сама каким-то «чудом» отдала свою жизнь в его руки без остатка. А в моём распоряжении весьма скудный выбор: либо совместная жизнь, как соседи пока смерть не разлучит, либо вдовство, третьего в нашем случае не дано.

Глава 18. Выбор опасного мужчины

Елена всё же смогла мне насолить, забрав всех опытных камеристок. После скандала с Андреем психанула и решила собираться на какой-то там вечер, куда угодно, только бы не сидеть дома в одиночестве и не думать о нас как о паре.

Какая глупая наивность, словно мне нужен её обмылок...

Но в целом чувствую, что нахожусь на правильном пути, в своей стратегии изгнания Елены. Однако надо понимать, что она, скорее всего, не имеет никаких доходов, никаких способностей, и никаких других близких людей, на шею которых можно было бы пересесть. Посему она не сдастся так просто, не отступит, и зубами вгрызётся в мой дом, мою жизнь. Или нет, как короед начнёт проедать основу моего существования, уже делает это и не без успеха.

Одно хорошо, она не настоящая ведьма, или не одарённая. У настоятельницы монастыря дар есть, и она сразу увидела Гришу, ещё в тот момент, когда он швырнул стакан. И потому меня забрала, чтобы неприрученный призрак не прибил в порыве моего гнева Андрея, и я не оказалась за это в настоящей тюрьме.

Елена ничего такого не видит, возможно, чувствует и побаивается, потому что в момент, когда я проходила мимо неё с платьями, могла бы и накинуться с кулаками. Но между нами стоял Гриша.

Утром она уступила, а теперь я осталась с одной бестолковой камеристкой, у которой совершенно нет талантов и навыков собрать барышню на бал.

Исходя из последних событий намечаю план:

Первое, завтра же дать объявление и набрать новых горничных, а всех прихвостней Елены уволить.

Второе, я современная женщина и собрать себя на мероприятие смогу без посторонней помощи. Одна беда, не могу припомнить, как правильно одеваться. Нужна ли имитация шляпки?

Но точно помню, перчатки обязательны. Проверила все старые картонки и отыскала две пары кружевных перчаток. Одни короткие, вторые длинные и так как у экспроприированного платья широкое декольте лодочкой без намёка на рукав, как любит Елена, то я выбрала чёрные перчатки, закрывающие локоть. Они спасут меня от главного позора, какой я не смогла бы сама исправить должным образом – ужасный маникюр.

От старой шляпки отколола декоративную бутоньерку: чёрный цветок и небольшая витиевато закрученная веточка, украшенная бисером и жемчугом. Прodela шпильку в подложку цветка и получила иллюзию малюсенькой шляпки. После того как сделаю высокую шишку в стиле Бриджит Бордо, воткну бутоньерку в причёску. Простой, современный образ и камеристка мне понадобится, только затянуть корсет, увы, у платья слишком узкая талия.

На обнажённые плечи накинула очень широкий палантин из тончайших шёлковых кружев, причём очень гармонично сочетающийся и чёрные аксессуары, и пепельно-серебристый цвет самого платья, очень дорогое дополнение к наряду. И понятия не имею, его лучше оставлять в карете или так и идти в торжественный зал?

Спросить не у кого, придётся ориентироваться на местности. С другой стороны, кружева выглядят потрясающе и весьма деликатно, в большей степени стоит переживать из-за декольте и коротких рукавов.

Должна признать, у Елены очень тонкий вкус, этот образ собран идеально, и мои дополнения пришлись как нельзя кстати.

Покрутилась перед зеркалом и поняла, что стесняться мне нечего. Хороша, как богиня. Странно, что Гриша совершенно никак не комментирует моё преображение. Только наблюдает, сидя в кресле, а может быть и спит, если призраки вообще умеют спать.

Финальным штрихом к образу стали шикарные драгоценности. Колье с небольшими бриллиантами, очень нежное, идеальное для молодой женщины. Серьги и браслет. Кольца на перчатки решила не надевать, показалось это перебором, какой могут себе позволить очень богатые пожилые дамы, но не молоденькая жена какого-то клерка из министерства, удивилась тому, что не знаю настоящей должности мужа.

Подумаю об этом позже, сейчас важнее другое, в соб-

ственном доме не могу себе позволить оставить драгоценности даже в сейфе, дожили.

— Гриша, куда бы спрятать украшения? Не доверяю никому и даже сейфу? — сложила остатки в бархатный мешочек: кольца, кулон на цепочке из белого золота с бриллиантом, ещё одни крупные серьги с изумрудами и бриллиантами, такого богатства хватит на довольно сытую жизнь, не хочется терять. — Прибери так, чтобы никто не нашёл.

— В библиотеке старое пианино, его никто не открывает, — тут же последовал ответ.

Пришлось самой отнести в тайник свои сокровища, спрятать, а на обратном пути мы, трое противников встретились в большом коридоре, выходящем на лестничную клетку: я, Елена Прекрасная и Андрей во фраке, идеальный до умопомрачения.

Для мужчины – это преступление, быть таким красавцем, теперь на балу все будут думать, что я настолько глупа, что выбрала нищего мужа из-за его красоты.

Елена с гордо поднятой головой прошла, окатив нас презрением и злобой, ничего не сказала и вышла.

— Приятного вечера, дорогая, не забудь присматривать себе нового кавалера и желательно с жилплощадью. И спасибо за платье, оно мне очень идёт, — каюсь, не сдержалась.

— Настя, сделай милость, прекрати перепалку! — процедил муж сквозь зубы, но в его взгляде появился тот самый мужской интерес.

— Мы не опаздываем? — специально опустила голову и подтянула перчатку, чтобы не встречаться с ним взглядом, это лишнее в нашей непростой ситуации.

— Нет, сейчас подадут экипаж. Ты очень хороша сегодня, изысканная, утончённая если бы не эти язвительные замечания. И вот ещё, сделай одолжение и приложи все усилия, чтобы на балу не разбить бокалы, люстры и вообще вееди себя...

Боже, в его голосе появился флирт, ещё немного и он будет на каждом углу говорить людям: «Смотрите, это моя жена и она обладает сверхспособностями!».

Это было бы забавно. Но я уже настраиваюсь на непростой вечер, и хотелось бы произнести монолог, напоминающий о наших непростых отношениях, напомнить о моей незавидной ситуации в целом, сложившейся по их вине.

Посмотрела на мужа тем самым долгим, пристальным взглядом, как модели смотрят в камеру, цепляя, заинтересовывая собой. Выдержав недолгую паузу, самым приятным тембром, на какой способны мои голосовые связки, с томным придыханием ответила:

— Послушай, милый, я адекватная, здоровая женщина, прекрасно знаю, как себя вести в обществе, да, каюсь, с Еленой сейчас не сдержалась и опустилась до её уровня, но ты сам свидетель её проделок, даже здоровые люди поддаются порой эмоциям, как и незаряженное ружьё порой стреляет. Поедем и попробуем спасти твою карьеру, и мою репутацию,

после посмотрим, как нам жить дальше, дорогой...

— Долго и по возможности счастливо, мы венчанные, так что о разводах не может быть и речи, и я рад, что ты встала на путь истины и разума. Нашу репутацию пора спасать, а после посмотрим, постарайся не испортить этот шанс, дорогая, — Андрей тоже умеет жестоко язвить, в этой фразе всё, и намёк, на возможность нашего примирения, и про мою нестабильность, и про то, что из нашего брака либо в послушное существование с мужем, либо в послушницы.

И самое ужасное, он не дурак, не глупец и не наивный подкаблучник своей подружки. Этот мужчина так же опасен, как и красив.

Муж поднял руку, согнутую в локте, и я приняла его предложение.

Дворец нас встретил величием, богатством, шиком и жесточайшей кастовой сегрегацией: кареты простых дворян останавливают очень далеко от парадного входа. Нам пришлось идти почти двести метров пешком, в бальной обуви и придерживая длинный шлейф изысканного платья, чтобы оно не запылилось, и не попало под ноги таких же, как мы — людей более низкого сословия, чем аристократы, приближенные к царской семье.

Ранги — это то, что простой смертный перешагнуть не сможет никогда, только если совершит нечто такое, за что его возвысит сам царь своим указом. Однако выскочки всё равно останутся выскочками в глазах общественности.

Я из боярского рода – вышла замуж за одного из таких мужчин, попытавшегося перескочить через несколько социальных ступеней, но тщетно.

Однажды он вдруг понял, что для общества так и остался – простым дворянином, и никакие заоблачные горизонты карьеры ему не светят. Вот и поддался на авантюру Елены, обобрать жену и жить с деньгами, не обращая внимание на статус, плюнуть на карьеру, и общественное мнение. Эти домыслы и рассуждения навелись той ужасной очередью из приглашённых, в хвост которой мы попали.

Кареты элиты проезжают прямо к огромному мраморному крыльцу, застланному красной ковровой дорожкой. Десяток лакеев помогает господам выходить из шикарных экипажей и, если надо, придерживают за руку или помогают с длинными шлейфами. Там играет лёгкая, приятная музыка и царит атмосфера старого глянцевого, сияющего Голливуда. Небожителям всё: слава, обожание, почёт и лучшие места.

Там, где стоим мы – лоска нет, а есть крепкий запах одеколona, табака, ворчание мужей, на своих жён, за испорченный бесполезный вечер.

Потому что все понимают: мы на этом балу – массовка, с которой сейчас соберут максимум средств, позволят понаблюдать за тем, как блистает в зале элита, и выгонят, угостив бокалом шампанского.

Осматриваюсь, но так, чтобы не оскорбить собратьев по несчастью. Все в одинаковом положении, с одной лишь раз-

ницей, что мы с Андреем молоды, красивы и всё ещё надемся на успех, остальные уже солидные, немного потрёпаны жизнью и особых иллюзий не питают, правда, кто-то привёл с собой молодых родственниц, дочери или младшие сёстры, всего трое миленьких, нарядных девиц на выданье, и только они готовы вытерпеть все унижения, ожидания и ворчание старших, только бы попасть в «запретный» зал.

Кажется, все первые лица прибыли и теперь начинают запускать нас, все оживились, девицы нервно захихикали, а Андрей крепче взял меня под руку, для него данность нашего положения — не новость, он тоже готов ждать и терпеть.

— Господа, прошу прощения, соблаговолите сообщить, не присутствует ли среди приглашённых боярыня Анастасия Сергеевна Гринёва-Левина? — к нашей толпе подбежал господин в военном мундире и с небольшой красной папкой в руках.

Естественно, я не сразу сообразила, что речь обо мне, продолжаю стоять и наблюдать за развитием событий.

— Это моя жена, а что случилось? — Андрей слегка подтолкнул меня вперёд, показывая распорядителю.

— Пройдёмте, простите великодушно, господа, вы в числе официально приглашённых. Позвольте ваш пригласительный? Такой конфуз, что вашу карету не пропустили к парадному входу, мне, право, очень совестно за этот нелепый промах.

Взволнованный Андрей достал из внутреннего кармана

конвертик и протянул распорядителю. Тот что-то отметил и тут же попросил нас пройти за ним.

А вслед послышался недовольный мужской шепоток: «Боярыня, как же, а мы тут стой с калашным-то рылом в суконном ряду!», но его тут же осадила жена.

С этого момента ставки за мою жизнь резко поползли вверх. Странно, разве Андрей не знал о статусе жены раньше?

В нашем мире боярские роды перелицевали в помещики, чтобы сбавить гордыню, спесь и претензии на власть. А здесь это сословие не утратило своей ценности, и наряду с другими имеет весомую значимость в обществе.

Пока мы подходили к ступеням с красным покрытием, в моём сознании отчётливо появилось ощущение диссонанса обстоятельств, о которых я и не задумывалась до сего момента, ведь у меня совершенно иной культурный код. В своём мире я не была знатной, но была уважаемой женщиной. А теперь реальность слегка подтолкнула мою систему ценностей в нужном направлении, и грубые нестыковки обнаружили себя.

— Я знатная, аристократическая элита, а ты попытался от меня избавиться? В чём твоя проблема, Андрей Антонович? Ты вообще понимаешь, что творишь? Или она замылила твоё критическое мышление настолько, что ты и чёрное от белого отличить не в состоянии? Вот прямо сейчас, пока нас не пригласили в зал, делай выбор, я или Елена. И этот

выбор должен быть тотальным. Елена обязана исчезнуть, а ты начинаешь жить, считаясь с моими интересами.

Мы остановились, позволяя немногочисленной публике рассмотреть себя, и пока наш сопровождающий ждёт отмашки другого важного лакея, потому что перед нами только что по лестнице поднялась шикарная княжеская чета, и нужно выждать определённый интервал, какой я превратила в невыносимую игру на выживание для нерадивого мужа.

— Ты! — прошептал и едва заметно пожал мою руку, видимо, посчитал себя прощённым.

— Вот именно, я! В силу того, что развод невозможен, мы связаны, и признаюсь, честно, меня, как и тебя этот факт тяготит, ты постарался убить доверие, какому уже не суждено воскреснуть, но я осознанно иду на жертвы и требую того же от ВАС, Андрей Антонович.

С этой секунды мы стали людьми из высшего общества, элитой на законных основаниях, по праву моего рода. И муж смирился, помрачнел, но не посмел ничего возразить. Со мной у него всё, без меня – забвение, невысокая скучная должность и роль подкаблучника у ретивой Елены.

Глава 19. Минута моего позора

— Господа, прошу вас! — распорядитель едва заметным жестом пригласил подняться по ступеням, понимаю, что наша шикарная пара привлечёт максимальное внимание всех, кто сейчас присутствует в торжественном зале.

Если не опозоримся на мелочах — станем открытием сезона. Но это позже, сейчас нас охватила эйфория, дворец поражает своей изысканностью и богатством. Неяркое освещение создаёт романтический, таинственный флёр, и прячет многие недочёты, какие знатные дамы желали бы скрыть в своих образах: возраст, излишний слой довольно грубой пудры, фальшивые драгоценности — тусклый свет «прощает» всё.

За дверью в торжественный зал послышался один удар ритуальной тростью и выкрик моего титула и имени с двойной фамилией Гринёва-Левина, и коротко о моей паре: «...с мужем, его превосходительством Андреем Антоновичем Левиным!». Ни титула, ни звания, он просто муж боярыни.

Очередное доказательство моего превосходства.

Двери распахнулись, и мы вошли, нет, лёгкая музыка не стихла, никто не ахнул, мол, вернулась наша потерянная «принцесса», но некоторые гости посмотрели на нашу пару с интересом.

Мы сделали несколько шагов вперёд, и я присела в английский книксен, наклоняясь чуть более, чем нужно вперёд,

но делаю это так, как делает в нашем мире принцесса Уэльская Кейт Миддлтон, другого примера для подражания у меня, увы, нет. Театрально кланяться, прижимая руку к груди, я постеснялась, потому что вообще не знаю, как должно делать реверанс. Вот он первый мой провал, неотёсанная деревенщина на царском балу.

Из приличия не рассматриваю царскую семью, они лишь кивнули в ответ, и нам пришлось отойти в край зала, через другие двери вошли те немногие, не слишком знатные господа, что стояли рядом с нами в ожидании пропуска.

И торжественное мероприятие началось.

Речи, поздравления, сбор денег на пожертвование, музыка, разговоры. И на горизонте появились первые смельчаки, от скуки решившие заговорить с новенькими. К нам торопливо, пользуясь организаторской заминкой, подошли те представители элиты, кому не зазорно общаться с новенькими. Весьма солидная семейная пара: крепкий, краснолицый мужчина в мундире какого-то департамента, не военный, судя по «уставшей» осанке, и его жена, одетая с претензией на экстравагантность последних модных течений, с толстым слоем пудры на лице, уж тронутым морщинами и слишком высокой причёской, видимо, париком.

— Ах, как вы свежи, голубушка, как хороши. И ваши аглицкие манеры, такие утончённые, как это мило выглядело, и ваша причёска, такой сдержанный шик. Уверяю, завтра все будут носить такие же, — обмахиваясь веером без ка-

кой-либо оглядки на этикет, незнакомка заговорила по-родственному просто, пожала мою руку и словно опомнилась, повернулась к мужу и попросила его представиться. — Кирилл Петрович, окажите милость, я, преисполненная восхищением, забыла о малейшем приличии. Но вы же говорили, что отлично знали и были на дружеской ноге с батюшкой нашей прелестницы...

Кирилл Петрович, слегка кашлянул и представился, совершенно точно, из-за отсутствия общих знакомых мы в данный момент нарушаем регламент, но любопытство супруги не оставило ему выбора:

— Барон и баронесса Платтов, Кирилл Петрович и Ксения Васильевна, — он произнёс фамилию, переименованную на русский манер, а я присела в тот самый милый книксен, что привёл в восторг баронессу. И она снова всплеснула руками, желая захватить власть надо мной в полной мере.

— Бесконечно признательна вашей снисходительности к моей скромной персоне, в силу семейных обстоятельств я очень долгое время была вне светской жизни, и теперь с жадностью впитываю каждый добрый совет и наставление, — произнесла извинительную речь, чтобы сгладить свою вопиющую неуклюжесть. На первый раз простят, а потом это станет моим недостатком, или я стану посмешищем двора — нелепой клоунессой.

Барон обратился к моему мужу, и они начали разговор о службе, весьма деликатный, и к ним вдруг присоединились

другие знатные господа, кому не так интересен бал, а неза-
тейливо поговорить о делах показалось весьма недурным
временепровождением, пока их жёны поступают также, со-
бравшись кружком и рассматривая наряды более молодых
женщин на торжественном мероприятии.

Для завсегдатаев происходящее – обыденность, для нас
нечто совершенно потрясающее, феерическое – первый бал.
Андрей счастлив до умопомрачения, нарциссизм расцвёл
буйным цветом, дай Бог ему ума не разрушить всё случай-
ной нелепостью, наподобие моего английского книксена. Но
его слушают, с ним говорят на равных такие люди, к кому
он бы не посмел сам приблизиться. И, кажется, в этом кругу
есть кто-то из его департамента, в скором времени карьера
его превосходительства Левина начнёт бодрое восхождение
в гору.

Я дала мужу гораздо больше, чем он заслуживает. Гораздо
больше. Но судя по взглядам на него почти всех женщин в
этом зале, никому не придётся объяснять причину нашего
тандема – он слишком хорош собой, и это оправдывает наш
мезальянс в глазах общественности. Эх, знали бы они, какой
он подлец, кроме всего прочего.

— Ах, любезная Анастасия Сергеевна, ваш муж чудесен,
статен, обаятелен, таких породистых молодых людей в об-
ществе раз и обчёлся. Хорош и судя по тому, как его внима-
тельно слушают – умён. Редчайшее сочетание качеств, про-
чу ему отличную карьеру, с таким-то потенциалом. Однако

скоро начнутся танцы, а господа увлеклись политикой, ах, где мои молодые годы, я бы непременно хотела закружиться в вальсе, почувствовать ту лёгкость и силу, с какой мужчина ведёт, ах, как это прекрасно. Вы танцуете? — Ксения Васильевна взяла меня под руку, хотела было отвести к знатым дамам, но остановилась, залюбовавшись на Андрея, и увлеклась совершенно иными темами.

Её драгоценности втрое внушительнее моих и мерцают в тусклом освещении, как живые. Завораживающее зрелище увлекло на мгновение, и я не уловила сути вопроса о танцах.

— Простите? Танцую ли я? Весьма посредственно, только лишь вальс...

Она имела в виду другое, не в положении ли я, но лишь многозначительно проскользила взглядом по моей талии и приподняла брови.

— Ах это, нет... В этом смысле, я свобода для танцев.

— Вот и прекрасно, для молодой дамы полезно иметь поклонников. Сейчас объявят первый вальс, и к нам непременно устремятся кавалеры, многие не сводят с вас взгляды, раз так вышло, что ваш муж слишком увлечён беседой, то вопрос о вашем приглашении обратят ко мне, посему я решилась спросить, нет ли какой-то приятной преграды для этого, — кажется, она по книксену поняла степень моей неосведомлённости порядками и не стесняясь взялась за роль старшей дамы наставницы. А потому заприметив «свежее мясо», кошкой кинулась и заполучила меня как приятное раз-

влечение на вечер. Скорее от скуки, а, возможно, и потому, что в кругу её ровесниц есть лютые соперницы по давно минувшим балльным баталиям, с какими она до сих пор в контрах. Потому не слишком спешит вернуться в круг почтенных аристократок, некоторые из которых, не стесняясь, уже рассмотрели меня в театральный бинокль.

С оркестрового балкона заиграла какая-то весьма приятная увертюра, отрывок из всеми любимой оперы или балета, и сразу публика воодушевилась, встрепенулась и началось некоторое бурление, чуть более громкие выкрики среди мужчин. Возможно, кто-то требует уступить именно мой танец, потому что чувствую жаркие взоры в нашу сторону. Андрею следует поторопиться, если он хочет получить первый вальс, но он увлёкся...

Глава 20. Первый вальс

— Боже мой, дорогая. Нам нужно уйти под крыло наших мужей, делаем это как бы случайно, и не смотрите в ту сторону. Не смотрите...

Ксения Васильевна вдруг более резко потянула меня за собой, требуя подчиниться и не сопротивляться, словно мы родня или давно знакомые между собой дамы.

— Что случилось?

— Не смотрите вы в ту сторону! К нам идёт новый инквизитор, страшный человек, у меня пальцы леденеют от одного его взгляда. И чего его нечистая принесла, таким мужчинам на балу не место, — она действительно напугана, вспоминаю, что уже продолжительное время не чувствую Гришу. И наверное, без него я не ведьма, а всего лишь молодая, привлекательная женщина, бояться нечего...

— Сударыни, куда же вы так спешите. Анастасия Сергеевна, я большой поклонник вашего отца, и когда услышал сегодня фамилию Гринёва, не смог отказать себе в удовольствии познакомиться лично, не сбегайте, позвольте партию...

Мы с баронессой неудачно остановились, вокруг уже встают пары и мне ничего не остаётся, как протянуть руку для партии инквизитору, боясь посмотреть в его глаза. Он с грациозностью огромного кота развернулся, чтобы встать так, как нужно в ряд других танцоров, и я заметила на его руке

тот же рубиновый перстень, что и на портрете отца Анастасии. Поднимаю взгляд и замираю от ужаса. Он точная копия моего Гриши? Этот мир решил проверить на прочность мою психику, и она уже на грани...

Такого в принципе не может быть, наверное, просто померещилось, но больше не пытаюсь рассматривать господина инквизитора, чтобы не дать ему лишних поводов для подозрений. Моё волнение выдают дрожащие пальцы, но он их довольно крепко сжимает, боясь, что я сбегу или исчезну...

Неужели не понимает, что его все боятся, даже баронесса сбежала, стоило ему подойти. А уж я и тем более, и чего он прицепился на людях, обо мне сейчас точно начнутся такие пересуды, что и подумать страшно.

— Я ничего не помню о своём отце и не имею чести быть представленной вам, — шепчу то, что пришло в голову, хотела намекнуть, что собиралась составить пару мужу, но инквизитор решителен, как все люди, имеющие огромную власть, решил пренебречь правилами этикета.

— Граф Даниил Романович Аракчеев вот мы и познакомились, Анастасия Сергеевна, и мне не пришлось терять целый день на поездку в монастырь, надеюсь, с вами там хорошо обращались.

Моё тело вздрогнуло слишком заметно, и он улыбнулся, почуяв страх. Значит, он всё уже знает, вовремя признался, теперь не придётся придумывать что-то, чтобы скрыть постыдные факты биографии.

— Более чем, со мной обращались очень ласково и дружелюбно. Я несчастная жертва обстоятельств, и мы со всем успели разобраться. Настоятельница Евдокия благословила меня и отпустила домой, не заметив никаких душевных патологий, надеюсь, что и вы не чувствуете от меня угрозы для общества и претензий не имеете.

— Это мне предстоит выяснить, Анастасия Сергеевна.

— Повторюсь, что дело совершенно не мистическое, скорее домашние недоразумения, о которых мне бы не хотелось говорить с посторонним человеком. Выяснять совершенно нечего, — вдруг проявила настойчивость, о какой, должно быть, в скором времени пожалею.

— Тем более, не откажите другу вашей семьи в такой приятнейшей мелочи, как вальс, а всё остальное оставим для кабинетных разговоров.

Пока играет лёгкая музыка, сигнализирующая менее расторопным кавалерам, что вот-вот начнётся первый танец, я ещё надеялась избавиться от страшного партнёра.

Но куда там, он с каждой секундой вливается в меня профессиональным интересом, чувствует какую-то загвоздку или уверен, что знает про меня нечто такое, что позволяет ему играть в эту замысловатую игру.

Музыка, наконец, сменилась, и он начал виртуозно кружить меня в вальсе, не позволяя опомниться, загоняя в мою душу в животное состояние паники. Я начинаю бояться не того, что он учует Гришу, а распознает меня, настоящую, за

подселение он меня самолично из тела вытряхнет, как «друг и поклонник» отца Насти.

Зал ожил в вихре вальса, подчиняясь единому гипнотическому ритму, мы кружимся среди таких же приглашённых, но с той лишь разницей, что все испытывают эйфорию, а я ужас, какие эмоции одолевают господина инквизитора, даже представить боюсь. Мы кружимся молча, и я, как не самая умелая партнёрша вынуждена полностью подчиниться его воле. Круг, ещё круг, ещё круг и внезапно светлый зал померк, и нас окружил вечерний сумрак и прохлада...

— Что? Куда вы меня привели?

— Тише, тише, это всего лишь балкон, я вас чувствую, сударыня, чувствую силу, но не могу понять её природу. Во дворце стоит весьма сильный и надёжный запрет на проникновение так называемых помощников. Но здесь я могу его призвать и посмотреть, с чем имею дело. Вы не против?

— Против! Конечно, против, я не ведьма, на меня навели проклятье, и...

Хотела сказать что-то грозное, забывшись, с кем имею дело, но сбежать не могу.

— Вот и посмотрим, что это... Снимите перчатку, пожалуйста...

Граф «Дракула» начал шептать какие-то слова и достал из кармана тонкий складной ритуальный нож, чтобы порезать мою руку, гад такой, пытаюсь высвободиться из его хватки, и никакую перчатку снимать не собираюсь, ещё чего, облег-

чать ему задачу, но куда мне против огромного мужика.

Нож коснулся моей кожи и через секунду отлетел, выбитый из руки инквизитора невидимой силой Григория, который теперь и не скрывается в тени вечера.

— Какого демона происходит? Откуда у тебя мой двойник, — прорычал Аракчеев, встряхивая меня за плечи, и тут же получил новый удар от своей призрачной копии. И снова импульсивность моего проклятья всё испортила, уже не удивлюсь, если эту ночь проведу в допросной.

Ведьмин помощник избивает самого инквизитора на балконе царского дворца, ещё немного и гореть мне на костре...

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.